

ЭР ТАБЫЛДЫ

киргизский эпос

ИЛЛЮСТРАЦИИ
В. РОГАЧЕВА*

Киргизское государственное
учебно-педагогическое издательство

ФРУНЗЕ * 1959

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. <i>Часть первая</i>	3
2. <i>Часть вторая</i>	25
3. <i>Часть третья</i>	48
4. <i>Часть четвёртая</i>	87
5. <i>Часть пятая</i>	143
6. <i>Пояснительный словарь</i>	171

Редакторы *Ч. Айтматов* и *С. Фиксин*
Худож. редактор *А. С. Осташев*
Техн. редактор *А. Акматов*
Корректор *Г. В. Сидорова*

Сдано в набор 18/VIII-1959 г. Подписано к печати 4/XI 1959 г. Формат
бумаги 84×108¹/₃₂ 9,23 печатн. л. 10,52 уч-изд. л. Заказ № 1900.
Тираж 24000 экз. Цена без переплета 3 р. 10 к. Переплет 1 р.

г. Фрунзе, типография № 1 Главиздата Министерства культуры
Киргизской ССР

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

авным-давно на земле Кара-Тоо жил человек по имени Омокан. В местности Атбаши и Нарын он управлял шестью тысячами юрт киргизского народа рода Катаган. У него было два сына: Ормонкан и Эрманкан. Оба сына, наделённые богатырской силой, героически защищали достоинство и жизнь киргизского народа от покушений разных врагов; они не раз отражали набеги соседей-калмыков, пытавшихся поработить киргизов и завоевать их земли.

Ормонкан умер, не оставив после себя детей. У Эрманкана от жены-калмычки родился сын Кудайназар. Этот Кудайназар, когда вырос и женился, оказался большим хитрецом и скверным человеком. Он жил самостоятельно, отдельно от Эрманкана, в соседнем ущелье в своём аиле. У него росло много сыновей; старшие — Алтыбай, Кенджебай, Олджобай, Аргымбай и Чаргынбай — помогали Кудайназару в его нечистых делах — грабить на дорогах прохожих и проезжих.

Наконец, Кудайназар замыслил стать во главе рода Катаган и начал переманивать народ Эрманкана на свою сторону. И тогда Эрманкан отрёкся от сына, отправил к нему его мать, выделил долю наследства: большое количество скота и лошадей —

и выгнал Кудайназара за пределы земель Нарына и Атбаши.

Эрманкану шёл пятидесятый год, когда он отправился к киргизскому племени Нойгут, там он женился на девушке Агаче и вернулся в родной аил. Только через десять лет Агача родила ему мальчика, которого назвали Табылды. Спокойно стало на душе у Эрманкана. В честь рождения сына Эрманкан задал пир. Радовался и веселился народ и блаженно говорил: „На старости у нашего Эрманкана родился сын!“

Через некоторое время Агача родила ещё девочку, ей дали имя Кардыгач, что значит — ласточка.

Когда Табылды исполнилось тринадцать лет, отец умер. К осиротевшему юноше приехал Кудайназар и заявил: „Я хочу получить свою долю наследства“. Он отбил от стада часть скота и угнал на свои пастбища.

Через год после смерти отца Табылды взял его доспехи и оружие, подружился с хорошими парнями, с отважными сорока джигитами, которые стали его сподвижниками. Двум своим друзьям — Эльдияру и Эрмеку Табылды разрешил прикоснуться к груди своей матери Агачи — и они стали его братьями.

Всех сорок джигитов он обучил стрельбе из ружья, ловко владеть саблей, колоть пикой и хорошо ездить на лошади. С этими сорока джигитами Табылды охранял свой народ от врагов.

Однажды, собрав свой народ, он попросил совета: „Не устроить ли мне поминки по отцу?“

Все с ним согласились и начали готовиться к поминкам. Послали приглашения разным народам и племенам — и узбекам, и киргизам, и казахам, и туркменам.

И тогда Табылды подумал: „Хотя Кудайназар и от другой матери, но ведь он сын Эрманкана, надо и его известить“.

И Табылды написал такое письмо:

„Старший брат мой, Кудайназар,
Почитаем тебя, как отца.
Посылаем с письмом гонца,
В нём, в письме, души нашей жар,
В нём приветственные слова
И тебе, и твоим сынам,
И жене, и твоим дочерям.
Мать моя, Агача, вдова,
Я, твой маленький брат Табылды,
Вся родня, катаганов род,
Весь киргизский большой народ,
Никакой не помня вражды,
Извещают тебя, зовут
На поминки хана-отца,
Эрманкана-отца.
Многочисленная родня
Дождается только дня,
Когда ты, брат, сойдёшь с коня,
Чтоб поминки начать тотчас.
Многочисленная родня
Ожидает давно тебя,
Говорит о тебе любя:
„Он же самый старший из нас!“

Пишет это письмо твой ини.*
Пусть исчезнут разлуки дни.
Ты старшой, а не кто-нибудь,
Мне, меньшому, опорой будь,
Малого брата не позабудь,
Рядом с единственным братом будь,
Не оставляй меня сиротой.
На поминки отца приезжай,
На поминках всем управляй...
Аксакалом будешь, главой!

Уж гостей известили мы,
Их давно пригласили мы.
В гости разный люд приглашён —
Бликий, дальний — со всех сторон.
Будь и ты на пиршестве, брат,
Свяжут крепко нас мир и лад.

* Ини — младший брат.

В злом характере нет нужды,
Пусть погаснет огонь вражды,
Ждем приезда, аба, твоего,
Наше желание таково,
Наша просьба, брат, такова“.

Это письмо посланный вручил Кудайназару. Кудайназар, прочитав его, подумал: „Видно, этот одинокий мальчишка, этот раб, испугался, что я отберу у него скот и богатство. А я действительно отберу и скот, и богатство, и власть“. И Кудайназар вручил посланцу ответное письмо:

„Я, Кудайназар, твой брат старшой,
Брат старшой, подобный отцу.
И тебе, сироте, не к лицу
Поступать, как с равным, со мной.
Нет того, чтоб прибыть самому,
Ты вручаешь письмо гонцу.
Я тебя научу уму,
Уму-разуму, сорванец,
Укажу тебе место, юнец.
Одинокий, как альчик, ты
Поравняться со мной поспешил,
Загордился, мой мальчик, ты,
Сам поминки устроить решил;
Видно, как говорит родня,
Богатырских набрался сил,
На совет с народом меня,
Брата старшего, не пригласил.
Что ж, приеду к тебе на аш,
Богатырь наш, родственник наш,
И сойдут со мною с коней
Шестьдесят моих сыновей—
Это сильнее твоей родни.
У меня, одинокий, пойми,
За отцом-то долгов не счесть,
С мертвецом надо б счёты свести...
Это он, отец Эрманкан,
Катаганов всеильный хан,
Из аила меня изгнал,
Жить с народом мне не давал.

Не прощу никогда ему
Я обиды... И потому
На тебя падёт моя месть,
Что оставил тебе он — возьму!
Всё возьму: и аил, и скот,
И на пастбищах лошадей.
Всё возьму... И киргизский народ
Будет жить под властью моей!

Я, как лев, в твою юрту войду
Голове твоей на беду.
Пусть я сед уже, но не слаб,
Ты столкнёшься с силой моей.
Распотешу на скачках гостей —
Главным призом ты будешь, раб!
Твоей матери, Агаче,
Суждено призом клячи стать!
Я — аба, я — сын байбиче,
Я могу тебя, раб, продать.
Чтоб раба увидеть могли
И мою над тобою власть,
Шубу рваную, всю в пыли,
На тебя надену, смеясь.
Так и будет, проклятый плут,
Мой характер, ты знаешь, крут.
А иначе Кудайназаром
Люди пусть меня не зовут!“

Табылды это письмо прочёл многочисленному народу рода Катаган. Старейшина киргизов, друг отца Табылды, богатырь Уста обратился к народу с речью:

„Вы слышали, что пишет он?
Этот вор калмычкой рождён.
Это он, разбойником став,
Уворованный резал скот,
От отца скрывая свой нрав,
Много лет он грабил народ,
Жил калмычки сын подлецом,
На чужие жил барыши...
Вот за что он изгнан отцом
Из Нарына и Атбаши.

Знают люди гор и долин —
Табылды наш плохим не рос...
Табылды, не бойся угроз,
Делай дело своё, мой сын.
Пусть попробует шум поднять,
Пусть попробует аш сорвать...“

Народ согласился со словами старейшины Уста и разошёлся, чтобы готовиться к поминкам. Управлять всем на поминках Табылды назначил старейшину Усту. Народ перекочевал на берег широкого озера Сон-Куля. Для призов победителям различных игр на пиршестве было выделено из стад Эрманкана десять тысяч баранов, тысяча лошадей, сто верблюдов. Для варки пищи в казанах вырыли ямы-очаги, и катаганы непрерывно встречали гостей, и каждому отводили юрту для отдыха. Теперь речь пойдёт о Кудайназаре.

На Сусамыре, злобен и стар,
Расположился Кудайназар.
С ним народу — двести семейств,
Невелик джигитов запас...
Старший брат вынашивал месть,
На меньшого решил напасть,
Он откармливал скакунов,
И оружие готовил он,
Наставлял каждый день сынов,
Спесью старческой ослеплён.
„Этот мальчик мной пренебрёт, —
Думал он, ругался, как мог, —
Я поминки устроить не дам...
Приготовлю побольше пуль,
Я поеду к нему на Сон-Куль,
Табылды уничтожу там...“
И метался Кудайназар,
Злость точила душу и жгла,
Полыхали щеки, как жар,
Борода, что ковыль, бела,
Как у грифа, красным-красны
Стали бешеные глаза,
Приходили тяжкие сны.

Разверзались небеса...
И он вскакивал и кричал,
И опять Табылды ругал.

Однажды утром Кудайназар собрал своих сы-
новей и сказал им:

„Сед я, дети, я — аксакал,
Запоминайте мои слова.
Табылды зазнаваться стал,
На поминках я — не глава,
Гостеприимства нет для меня
У проклятого сорванца.
Разве мы ему не родня?
Разве я не сын Эрманкана-отца?
Он, птенец, оперясь едва,
Воронёнок чёрный, едва взлетев,
Попирает мои права,
Будто я на земле не лев...
Я не вижу почтенья его,
Нет ко мне уваженья его.
Что ж, я встречу в сраженье его,
Оплачу небреженье его.
Мальчик, взявшись за меч едва,
Попирает мои права.
Не отвлекайтесь, дети мои,
Запоминайте мои слова.
Вы сильней врага, сыновья,
Вами честь охраниться моя.
Вы ищите его следы...
Если встретите Табылды,
Где бы ни было: у воды,
У подножья горной гряды,
На джайлоо увидит взор,
На любой тропе среди гор—
Затевайте с ним чёрный бой,
Бейте камнем, чтоб он упал,
Бейте пикой, чтоб он не встал,
Поражайте из лука стрелой,
Смаху саблей иль булавой,
Чтоб в крови стояла трава
Между телом и головой.

И тому, кто сумеет напасть,
Кто врагу поможет упасть,
Род киргизов, род Катаган,
Я отдам навеки во власть.
Самый храбрый, сыны, из вас
Станет ханом на этот раз;
Высока его будет честь,
Будет сладко и пить и есть.

Вот я чем теперь одержим,
Больше я не хочу ничего.
Если вступятся за него
Катаганы, что будут с ним,
Если весь киргизский народ
Защищать Табылды начнёт,
То тогда поскачу, сыновья,
На ту сторону озера я,
Под седлом кобылица моя
Полетит, будто птица, моя.
Там мой дядя — хан Чал-Калмак,
Там раскинут его бивак.
Я у дяди войско возьму —
И не будет мести помех,
Катаганов сразу уйму,
Изрублю катаганов всех". —
Так заносчиво, злобен и яр,
Речь закончил Кудайназар.
На убийство надежду тая,
Согласились с ним сыновья,
Водки выхлебав коокер,
Развеселились с ним сыновья.

Между тем солнце плыло вверх,
Продиралось сквозь облака,
И вдали то сиял, то мерк
Снег на узкой спине ледника.
А над пастбищем тихий зной
Золотился, дрожал слегка,
Каждый склон в цветах, расписной,
Только рыжи утёсов бока.
Кони ржали, кричали орлы,

И по травам ползли стада.
Пики гор стыли в дымке мглы,
На гряде становилась гряда.
Одно облачко, как тулпар,
Мчалось через хребтины гряд;
Захмелевший Кудайназар
На него направил свой взгляд.
И почудилось: Табылды
На тулпаре этом сидит...
Он за ржанье и стук копыт
Принял горных речушек гул,
Грохот падающей воды;
И, оглаживая клочок бороды,
Нетерпеливо камчой махнул.
И вскочили на лошадей
Шестьдесят его сыновей.
Поскакали искать врага
Через изменность Таш-Тунга,
Над дорогой крутятся, клубясь,
Пыль драконом рыжим взвилась.
Это кто впереди там, кто
На скакуне Алато?
Это пьяный в седле Алтыбай,
Головою крутит дурной.
Взял с барана величиной
Камень в руки хвастун Алтыбай
И орёт что есть мочи: „Знай,
Табылды, я тебя убью!..
Испытаешь силу мою!“

Кудайназар пригласил слепого сынчи-предсказателя и попросил его нагадать хорошую судьбу и дать свою оценку старшим сыновьям—Алтыбаю и Кенжебаю. Он, нахмурившись, сказал Кудайназару:

„Слушай, старый Кудайназар,
Хоть я слеп, но душе моей
Небом дан необычный дар
Видеть нрав и тайны людей.
Ложь моих не касалась уст,

В сердце — пламя правдивых чувств.
Слушай, думай, запоминай!
Сын твой, первенец Алтыбай
Глуп, хвастливое существо,
Ум мальчишеский у него.
Сын второй твой душой не глух,
Самомненья полн Кенжебай,
Среди девушек и молодух,
Несомненно, он — краснобай.
Есть в нём искра ума, абаке,
Сила есть в его кулаке,
Будешь слушать его, абаке,
Нищеты сума, абаке,
Не оттянет шеи твоей,
Как позор, на глазах людей,
Не испытаешь тягость нужды,
Абаке, до смертного дня,
Не останешься без еды,
Не останешься без коня,
Чтобы с высохшим посошком,
Будто с другом, ходить пешком.
А решишь ему вопреки —
Не оберёшься ты бед,
Люди не подадут руки,
Только плюнут тебе вослед.

Беспокоит меня печаль...
Аксакал, твою старость жаль,
Средь рождённых тобой сыновей
Я не вижу богатырей.

Не оскорбить желая, сказал
Эту правду я, аксакал,
Если ты в ней почуял ложь,
Если крапинку лжи найдёшь,
Не задумываясь — умертви,
Подними надо мною нож.
Если веришь тому, что сказал,
Слушай дальше меня, аксакал,
Речь теперь о тебе пойдёт...
На языке у тебя есть мёд,

Молний гнев у тебя в глазах,
Яд горчайший разлит в словах,
Жилист сам, чело высоко,
Богатырская грудь широка,
Возбуждаешься ты легко,
Ум теряешь в гневе легко,
И теряет меткость рука.
Если сыт — то впадаешь в лень,
Нрав твой, право, как летний день:
То вдруг морось, то ведро вновь,
То, как пламя, ты, то — как тень.

Семьдесят лет тебе, абаке,
Есть ли смысл в похвальбе, абаке?
Гроб к тебе ближе, чем в юрте тер.
Жизнь твоя — другим не пример.
В юности сбился с пути, абаке,
В прошлое путь не найти, абаке,
Жизнь — не дорога к развилке, брат,
Не возвратишься назад.
Юности меч попробуй примерь,
Поздно славу искать теперь.
Что же ты ищешь, рыча, как зверь?
Только ссоры ищешь теперь.
Что у меньшего брата, проверь!
Выиграть можешь только смерть.
Счастье, упущенное из рук,
Не возвратится в старости вдруг...

Если думаешь, я солгал,
Так убей меня, аксакал.
Если веришь мне, брось свой меч.
О Табылды поведу я речь.

Вот он — вижу его всей душой —
Краснощёкий джигит, большой,
Молодец в походной пыли,
Молодой богатырь земли.
Сбоку сабля, луч — лезвиё,
За спиной „Алмабаш“-ружьё,
Сам он строен, могуч, высок,

На подбородке ещё пушок,
Под бровями горят два огня.
Как он храбр, абаке, как он смел!
Лет четырнадцати он сел
На боевого коня.
Молодою птицей кружась,
Расправляет он крылья сейчас.
И хотя он скромн и тих
У отцовского очага,
Если ж двинется на врага,
То рванётся, как белый тигр.

Горячит он лошадь свою,
Рядом с ним в боевом строю
На конях легконогих сидят
Сорок честных отважных ребят;
Всем им весело на земле,
Все живут, как в одной семье,
Укрепляются их ряды,
Силой полнятся каждый час.
Абаке, твой ини Табылды—
Это наших времён Манас!
Он стремителен, неудержим,
Не боится он никого,
Дух удачи витает над ним,
Над народом вскормившим его.
Я в свидетели небо беру,
Прозорлива совесть моя,
На расстоянии слышу я;
Ржёт тулпар — ржёт Арча-Тору,
Ржёт гнедой скакун Табылды
На дороге у Таш-Тунга,
Едет мимо лагун Табылды,
Едет тихо, не чуя врага.

Алтыбай ждёт в засаде его,
Кенжебай ждёт в засаде его,
Чтоб ударить сзади его,
Ждут, дыхание затая...
Но от вида от одного
Табылды, от взгляда его,
Абаке, твои сыновья

(Я в свидетели небо беру)
Разлетаются по сторонам,
Будто пух на ветру“.

Багровея, вскричал аксакал:
„За плохую весть будешь бит!“
Вдруг Кудайназар услышал
На дороге удары копыт,
На дороге пыль увидал,
Увидал сыновей своих,
Страх на лицах серых, тупых,
Обагрил щёки старца стыд.
„Дети, дети!“ — он завопил, —
„Эх, вы трусы! — ругал он их, —
Чем иметь шестьдесят плохих,
Лучше б этого одного...
Я бы знал тогда торжество!
Храбрый сын — лучше всех наград,
Он родительской чести страж.
Поворачивайте назад,
Мертвецы, поедем на аш,
К Табылды помчимся верхом,
Станем есть и мясо, и рис,
Помиримся с ним иль возьмём
Силой, хитростью первый приз“.

Кудайназар и его сыновья спешили в овраге, недалеко от места, где многочисленные киргизы, пришедшие и приехавшие на поминки, стояли широким кругом. В этом огромном кругу между богатырями происходили поединки на пиках, боролись силачи, стрелки стреляли в джамбу. Кудайназар оказался в странном положении: он не находился в своём аиле и не пришёл на поминки, не сидел в своём доме и не был гостем. Озлоблённый Кудайназар даже не вышел из оврага показаться народу и просидел до ночи. На другой день утром в Кызылджаре начались скачки. Далеко позади оставив других лошадей, вперёд вырвался Кер-Табылгы, скакун, принадлежавший Эльдияру, сыну старейшины Усты.

Но хитрый Кудайназар, решив во что бы то ни

стало захватить большой приз, присоединил к скачке в лощине Таш-Тюбе свежую лошадь Алтыбая—скакуна Алато. И, крича, что скакун Алтыбая пришёл первым, калмыки во главе с Кудайназаром окружили скот, предназначенный для большого приза, чтобы угнать его в свой аил. Табылды, узнав от Эльдияра и Эрмеке о бесчестном поступке своего старшего брата, решил отдать приз и не затевать ссоры.

Наступила ночь. В аиле Табылды было тихо и спокойно. Маленькой сестрёнке Табылды,мышлёной Кардыгач, приснился плохой сон на рассвете, и она проснулась. Выйдя из юрты, она взбежала на вершину холма и увидела вдалеке скачущих всадников. Кардыгач вернулась домой и разбудила мать.

„Дорогая мама, беда!
Едет много людей сюда,
Пыль над ними вьётся, густа,
Не похожи на добрых они,
Направляются к нам неспроста.
Дух спасенья, оборони!
Кто они, к нам зачем спешат,
Ударяя камчами коней?
Очень странный чужой отряд,
Чует сердце в груди моей.
Мне тревожно, стучит в виске...
Разве спит ещё абаке?
Пусть встает Табылды скорей!
Мама милая, разбуди...
Сердце страшно бьётся в груди.
Надо сорок аке наших звать,
Надо весь аил поднимать,
Мама, мама, кричи, зови...
Я на холм побегу опять:
Кто же едет, надо узнать“.

Когда Кардыгач вернулась на холм, там она увидела Эльдияра с подзорной трубой. Эльдияр обратился к Кардыгач со следующими словами:

„Кардыгач, дорогая, ты?
Раскраснелась, взбегая, ты.
Угадала — это враги.
Я их знаю... Не бойся ты,
Светик мой, успокойся ты.
Стой со мной, никуда не беги.
Эти люди едут с байги,
Понимаешь, вчера их скакун
Алато обогнал весь табун...
Первый приз забрали они,
Нынче ночью резали скот,
До утра пировали они,
Пьяным криком встретив восход.
Мяса было невпроворот,
И жирна, и вкусна еда.
Видно, водки мало, и вот
Поживиться едут сюда.
Выпьем, думают, у Агачи
Столько, сколько просит душа,
Воображенье разгорячив,
Подгоняют коней, спешат.
Предводительствует Алтыбай,
Алчный пьяница и лентяй,
Он придумал этот набег,
Он, разбойник и горлопан,
А в аиле в такой ранний час
Шестьдесят этих братьев не ждут,
Завидущих сто двадцать глаз.
Ещё ссору затеют тут...
Впрочем, сорок братцев и нас!
Пусть попробуют в драку полезть,
Без коней останутся здесь!

Алтыбай со своими братьями-калмыками подъехали к юрте Табылды. Молодой дядя встретил многочисленных племянников, пригласил в юрту и достал золотогорлый сосуд с водкой. Табылды дружелюбно угощал непрошенных гостей.

Захмелев, самодур Алтыбай начал куражиться и поносить Табылды.

„Не моя ли лошадь быстра?
Перед закатом вчера
Не сумел обогнать никто
Скакуна Алато.
И на этой байге потому
Первый приз достался ему.
Велика добыча, голов не счесть...
Лучший приз в нашу честь!
Не туркмен, не казах, не киргиз—
Призом не овладел ни один.
Аксакал, Эрманкана сын,
Старший сын получил этот приз.
Наше стадо никто не тронь!
Скот погоним к себе домой—
Эрманкана потомки мы,
Не купили, не взяли займы,
Скот на скачках выиграл конь!
Табылды, что ты скажешь нам?
Ты надменно себя ведёшь,
Ты поклона от старших ждёшь,
Не дождёшься—скорей умрёшь.
Этот нищий Уста тебе стал
Нас дороже, роднее нас,
Не Кудайназар-аксакал—
Правил ашем Уста-ослопас.

То, что сделал ты, Табылды,
Может сделать лишь только враг.
Подожди, пожалеешь ты,
Испытаешь, проклятый, страх.
Ты, надменная голова,
Не желаешь нас замечать,
Дескать, я народа глава,
Дескать, все у меня права,
Не хочу аба признавать,
Дескать, я на Арча-Тору
Проскачу по любому бугру,
Дескать, сокола выпустил я—
И любая добыча моя,
Дескать, сорок джигитов со мной,
Дескать, я богатырь-силач,

Дескать, я, смотрите, богач,
Дескать, знайте характер мой!

Нами ты, злодей, пренебрёг.
И, когда приехали мы
На поминки, встретить не мог,
Ты ночлега нам дать не мог,
Даже старой не дал кошмы,
Не пустил к себе на порог.
Нам убежищем стал овраг.
Табылды, ты теперь наш враг.
Знаешь, я — силач Алтыбай,
Ты не вырвешься у меня,
Нам богатый подарок дай,
А иначе ты не родня,
А иначе, проклятый, месты!
Ты считай, Табылды, за честь,
Что приехали к тебе в дом,
Что с тобою мы водку пьём.
Если гордо себя поведёшь,
Напрочь голову оторвём“.

Табылды ответил Алтыбаю так:
„Что ж, спасибо, Алты-аке,
Благодарю вас, Кенже-аке,
Всё, что думали вдалеке,
У Алтыбая на языке.
Ловко уважили вы меня,
Будто смаху камчой коня.
Удостоила бранью меня
В гости приехавшая родня.
Говоришь, Алато победил?
Первый приз мой брат захватил...
Вместе с вами, гости мои,
Подлость сделана им одна:
К скачке свежего на полпути
Присоединил скакуна.
Я о подлом обмане знал,
Промолчал, позорить не стал,
Как-никак, он ведь старший брат,
А позор убивает, как яд.

Беззастенчиво ввали вы,
Торжествуя, орали вы,
Дали волю своей алчбе,
Похвалялися в удалстве.
Сколько ярости в похвальбе,
Сколько наглости в воровстве!

Разве я письма не писал?
Разве всех вас не приглашал?
Разве местию к вам я дышал?
Это ваш отец мне сказал:
„Распотешу на скачках гостей—
Главным призом ты будешь, раб!“
Хвастал старческой силой своей,
Рассчитал: Табылды, мол, слаб.
Вот каков ваш отец, мой аба.

Вы сейчас в гостях у раба.
Привела вас какая судьба?
Гнало вас пристрастие к вину.
Я вам почести оказал,
Слов худых никому не сказал,
Я таил только думу одну:
Прекратить нелепый раздор
Между нами, сынами гор.

Ты же, пьяный калмык Алтыбай,
Чёрный выродок, негодяй,
На хозяина без нужды
С бранью кинулся, как на жену.
Ты кричишь мне: „Подарок дай!“
Вымогаешь, грозишь, калмык.
Сразу видно, что ты, Алтыбай,
Воровать с детских лет привык.
Угоняя овец, коров,
Сколько ты разорил дворов,
Сколько людям нанёс обид.
Вас недаром народ клеймит
И зовёт: „Шестьдесят воров!“

Вон из юрты, за дверь, калмык!
Там пусть льётся брань с языка,
Пусть собака, оскалив клык,
Басни слушает дурака.
Разве всех вас не встретил я,
Предоставив радушный кров?
Не угрожайте, мой хлеб жуя...
Вон пошли, шестьдесят воров!"

Огрызаясь, грозя, хмельны,
От озлобленья чумны,
Выбегали один за другим
Кудайназара сыны.
У коновязи остановаюсь,
За повода притворно берясь,
Зашептались они,
Опираясь на коновязь.

А за ними из юрты вслед
Табылды вышел, кликнул сестру:
„Этот пир, Кардыгач, не к добру,
Не принёс бы тяжёлых бед...
Знаешь, где Эльдияр и Эрмек?
Позови-ка джигитов всех,
Собери-ка их поскорей,
Разыщи их, всех разбуди,
Надо выпроводить гостей
Так, чтоб к нам позабыли пути...“
Табылды огорчённо глядел,
Он давно примиренья хотел,
Подходящий случай искал,
И об этом гадал и мечтал...
А калмыки, его браня,
Брови супили... Страшный вид!
Разве стая волков устоит,
Одинокого видя коня?
Алтыбай из-за братних спин
Лихо выскочил, волчий сын,
Подбежал к одинокому он,
Братья тоже со всех сторон;
Окружили калмыки его.

Шестьдесят здоровенных детин
Кинулись на одного.

Отбивается Табылды
От набросившейся орды,
Он наотмашь бьёт кулаком,
Бьёт калмыков-братьев ногой,
То один летит кувырком,
То за этим плашмя другой;
Бьёт под сердце и по зубам,
Бьёт с размаху по головам.
Не успеет их раскидать,
Глядь, калмыки на нём опять,
На плечах, на шее висят,
На одного — шестьдесят!
Только он всей грудью вздохнёт,
Только он плечами тряхнёт —
Раздаётся и крик, и визг,
Все калмыки, кто б ни повис,
Будто в бурю камни с горы,
С Табылды срываются вниз.

Кто-то поднял камень-валун,
Кем-то в руки чокмор был взят,
„Смерть!“ — вскричал какой-то хвастун,
Не разобраться — их шестьдесят.
Вдруг зигзагом взлетел аркан
И схватил Табылды в капкан.
Валят наземь. Свистит камча.
Бьют чокмором его сплеча,
Стервенея, крича.
Прибежали на крик и вой
Кардыгач и мать Агача.
„Пощадите, дети, его,
Шестьдесят вас — на одного!“
Разнимала их Агача,
Умоляла их Агача.
Но не слушал никто её,
Не сдержало ничто зверьё.
Алтыбай понукал всех: „Бей!“
Задыхался от злобы, лют.

Кардыгач кричала: „Скорей!
Табылды смертным боем бьюг!“

И явились верхом в этот миг
Эльдияр и Эрмек,
На тулпарах примчались своих
Сорок мужественных человек.
Засверкали мечей лучи,
Засвистали грозно камчи.
Первым врезался Эльдияр,
Алтыбаю нанёс удар:
„Получай своё, Алтыбай,
Кровью, волчий сын, истекай!“
На Кенжебая напал Эрмек,
Лоб камчою ему рассек,
И обрушились на других
Со ок мужественных человек.
Окружили калмыков они,
Посвязали калмыков они.

Эльдияр подбежал к Табылды,
Поднял юношу он с земли:
Всё лицо в крови и в пыли.
Принесла Кардыгач воды,
Чтоб умылся брат Табылды.

А напротив калмыки стоят,
Шесть десятков братьев глядят,
Шестьдесят изподлобья глядят,
Усмирённых гостей шестьдесят,
На побитых лицах испуг,
Каждый в страхе поник, притих,
Крепко связаны руки у них.
Стража расположилась вокруг.

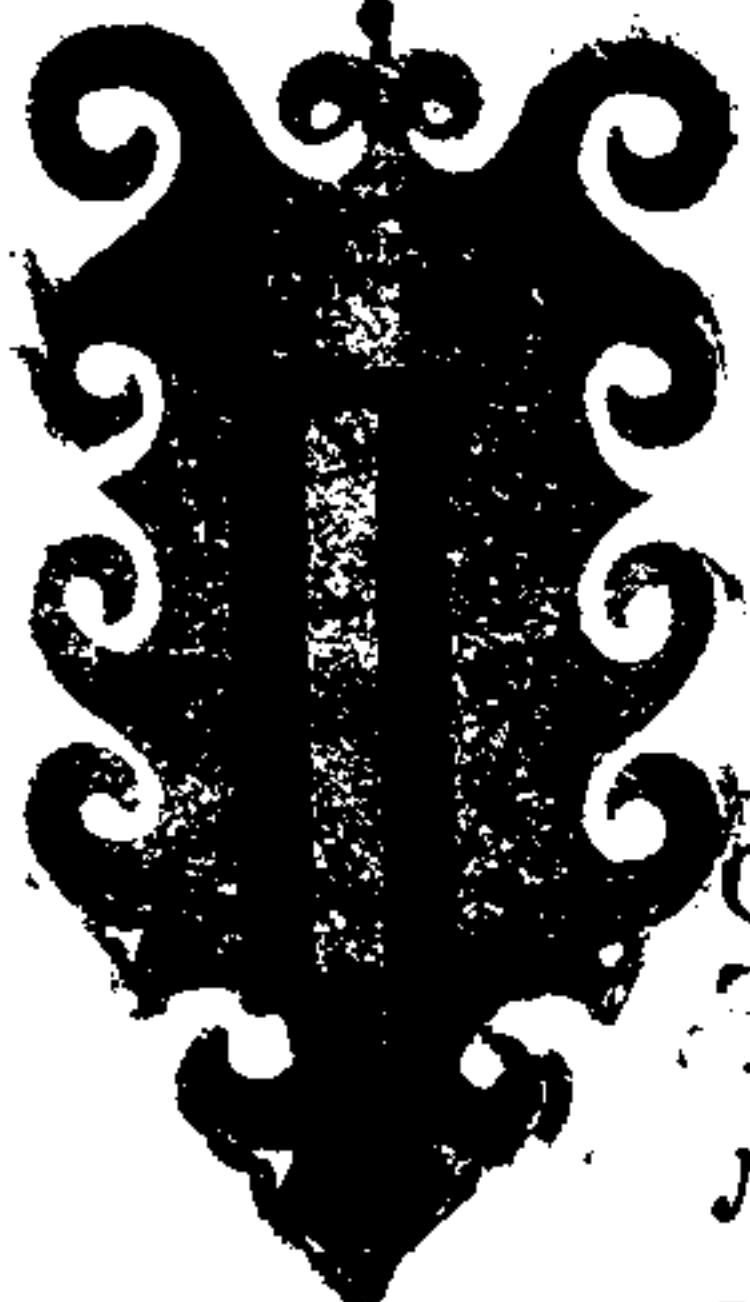
Успокоился Табылды,
Из кувшина напился воды
И сказал джигитам своим:
„Приз не должен достаться им.
Обманули они гостей,
Обманули они народ,
Этот приз, джигиты, ничей,
Пусть народ этот приз возьмёт“.

Табылды на лошадь вскочил,
Белым соколом закружил,
Призовое стадо с полей
Он обратно пригнал в аил,
Стадо-приз целиком раздарил.
Табылды был щедр, как отец,
Разносились о нём молва,
По семидесяти овец
Получили вдовы сперва.
На обзаведение беднякам
Кобылиц жеребых дарил,
Всем беспомощным старикам
Он верблюдов сам подводил,
А сироты дойных коров
Получали по семь голов.
Если дервиш к нему подходил —
Стригуна с собой уводил;
Лошадей обнищавшим давал,
И баранов на шубы давал,
И народ вокруг ликовал,
Ханом юношу признавал.
Табылды весь приз раздарил,
Каждый вслух его благодарил,
Алтыбая не наказал,
Дружелюбно ему сказал:
„Ты со всеми домой ступай,
Я прощаю тебя, Алтыбай.
Забирайте своих коней,
Уезжайте, братья, скорей!“

Расходился народ, говоря:
„Слава силе богатыря!“
И народ Табылды полюбил,
За правдивость благодарил,
За правдивость и честь его
И сплотился вокруг него.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Пошли дни, прошли многие месяцы. Табылды возмужал. Шестнадцати лет от роду он женился на Чачикей, от которой родился сын Шаймбет. Мирно жил киргизской род Катаган, его стада скота и табуны лошадей паслись на весенних лугах — джайлоо. Среди множества лошадей паслись и скакуны сорока джигитов. Вожаком сорока скакунов был скакун Табылды АрчаТору. Маленькая Кардыгач очень любила АрчаТору, летом и зимой сама за ним ухаживала, каждый день она приходила к нему в полдень, чистила его, расчёсывала гриву и кормила его из плюшевой торбы кишмишом.

Однажды Табылды тяжело заболел. Болезнь была изнуряющая. Как-то раз Табылды сказал навещавшим его сорока джигитам: „Будучи богатырём, мой отец Эрманкан разозлился на молодого калмыка Чал-Калмака за его бесконечные набеги на землю киргизов и, чтобы проучить молодца, напал на войско калмыков, разгромил и забрал десять табунов лошадей“. Дошли слухи о болезни Табылды до Кудайназара: „Табылды при смерти!“ Кудайназар, живущий на противоположном конце озера, отправил своего сына Олджобая

к калмыкскому хану Чал-Калмаку с известием о болезни Табылды.

И батыр Чал-Калмак, собрав десять тысяч калмыков, решил напасть на киргизов. Перед самым большим перевалом Чал-Калмак всё войско оставил в арьергарде, а сам с пятьюстами самых отважных поднялся на перевал для разведки.

В это время Табылды лежал в юрте уже выздоровевший, но сильно исхудавший, силы его ещё не окрепли.

Чал-Калмак перебрался через реку Нарын и с вершины Уч-Нурты увидел в подзорную трубу мирно пасущихся лошадей Табылды. Разыгралась алчность в душе старого батыра, и он с пятьюстами калмыков окружил табуны и погнал лошадей к себе. Когда перебрались через реку Малый Нарын, Чал-Калмак остановил своего коня Карабоза и обратился к калмыкам, угоняющим лошадей:

„Угоняющие коней,
Придержите чуть-чуть коней,
Слушай слово моё, мой люд,
Чал-Калмаком меня зовут!
Как же стал Чал-Калмаком я?
Знайте, исповедь вот моя...
У киргизов коней забирал,
Нападал я и на Китай;
У казахов коней отбивал,
Нападал я и на Кангай;
И в Кашгаре я побывал —
Драгоценности забирал.
Но есть в сердце моём печаль —
Нет преграды для Чала, жаль,
Вслед погонь не бывало, жаль,
Равных мне силачей нет, жаль,
Ранить Чала, мечей нет, жаль,
Не с кем биться на копьях, жаль,
Нет мне войск угрожающих, жаль,
Нет врагов нападающих, жаль.
Я людей не жалел — рубил,

Сколько войск беспечных разбил!
Сколько я племён загубил!
Сколько стад, табунов добыл!
Тьму добычи в Турфане взял,
А Турфан мог меня согнуть...
Но таких ещё не встречал,
Кто мне голову б мог проткнуть
И поднять на пике её,
Чтоб клевало глаза коршуньё,
Подо мной иноходец трубил,
Я секирой врагов рубил,
Но меня никто не задел;
На меня мчался всадников вал,
Я любого клинком доставал,
Но меня никто не задел;
Разъярённый, батыры, Чал
Бился на смерть, не отступал,
Но его никто не задел;
Конь, взвиваясь, шёл, как таран,
Я стрелял из ружья „Ак-Баранг“,
Но меня никто не задел.
Где же силе моей предел?

Никого никогда не щадил,
Резал, сёк, колол и топил,
И сдержать меня не могли
Никакие силы земли:
Ни грохочущих рек разлив,
Ни опасности переправ...
И, все панцири проломив,
Все кольчуги поизорвав,
Преклонения не сыскал,
Славы воинской не добыл.
Равных не было, очень жаль,
Вот откуда моя печаль.
И ещё я напому вам,
Вы внимайте моим словам,
Этот ваш аба, я, Чалкаш,
Богатырь знаменитый ваш,
Шестьдесят с лишним лет ему,
И он здравствует до сих пор!
Силачей равных нет ему

Среди этих долин и гор.
Угоняющие коней,
Табуны переправьте скорей
Через пенный бурный Нарын
И на мягкой кошме травы
У подножья крутых вершин
Отдыхайте сегодня вы.
Отдыхайте на том берегу,
Режьте самых жирных коней,
Насыщайтесь на несколько дней,
С вами я пировать не могу,
Я покину, калмыки, вас,
Я поеду назад сейчас.
Завтра в самом начале дня
Весть получите от меня.
Не услышите голос мой —
Отправляйтесь тогда домой.
Не скачите во весь опор,
Скот гоните по склонам гор,
Осторожней гоните скот
С перевала на перевал,
Чтобы цел остался приплод,
Ни один жеребёнок не пал!
Я покину, калмыки, вас,
Я поеду назад сейчас,
Молодцу окажу я честь,
Я схвачусь с Табылды один раз.
От меня он получит весть;
Приглашу на кровавый пир,
Пусть сразится, коль он батыр,
Пусть покажет себя юнец,
Пусть докажет, что молодец.
Мы друг к другу в упор подлетим,
Мы на копьях сразимся с ним.
Буду драться дней пять подряд,
Не опозорю своих седин,
Чал-Калмака сильней навряд
Эрманкана последний сын.
Жажду славы я утолю
И развею печаль и грусть,
И, как только юнца заколю,
Сразу к вам, бытыры, вернусь.

Катаганскому роду его
И всему народу его
Брошу яростный вызов я,
Уничтожу киргизов я!

Так говоря, Чал-Калмак на вороном коне скакал, поднимая пыль. Он ехал по берегу широкого Нарына, скакал по склонам нагорий, мчался по равнинам и разные думы думал. Он ехал днём и ночью. Начинало светать, когда показался аил Табылды. Осмотревшись, Чал-Калмак остановил коня на холме и, подумав: „Если Табылды дома — он меня услышит“, — прокричал:

„Ещё спишь ты, хан Табылды?
Иль попрежнему думаешь ты,
Что среди всех моих людей
Нет достойных богатырей?
А ты знаешь, хан Табылды,
Кто угнал твоих лошадей?
Это я у тебя гостил,
Это я тебе отомстил,
Заодно мертвецу одному,
Эрманкану, отцу твоему,
За победу его надо мной
В дни, когда я был молодой.
Не забыл я его дела,
И сладка же мне месть была!
Я пришёл к тебе не на пир,
Если схватишься ты со мной,
Я тебя исколю до дыр.

Ты пощады бы попросил...
Собери катаганов своих,
Приведи к Чал-Калмаку их,
И скота пригони гурты,
Провизжи, как щенок слепой:
„Я не мог схватиться с тобой,
Будь владыкой киргизов ты!“
Дать своих коней захватить,
Лежебок, надо трупом быть,
Дать своих коней захватить,
Лежебок, надо глупым быть.

И пока ты, парень-дурак,
Спишь, жирея, я, Чал-Калмак,
Перевал твой перевалил,
Твои пастбища потравил,
С перевала войско моё
Может ринуться на аил...
Говорят, ты чудо-батыр,
Говорят, нет тебя сильней,
Удивляешь ты силой мир,
Я наслышался много о ней.
А ещё говорят, Табылды,
Десять месяцев болен ты,
Одинокому на одре
Бесполезны мечи, щиты...
Я — аба твой, я — Чал-Калмак,
Знаменитый батыр-смельчак,
На земле твоей буду дневать,
Дважды буду дневать-ночевать.
Всем киргизам хочу сообщить:
Подступил Чал-Калмак к их жилью,
Наготове и меч и щит,
И рука приросла к копыю,
Как в горниле меч-кладенец,
Побывать хочет сердце в бою.
Если ты, Табылды, храбрец,
Испытай же храбрость мою,
Если ты не труслив, юнец,
Испытай же силу мою!
Так попробуй подъехать ко мне,
Где я крепко на взгорье стою,
Хоть на время будь равным мне,
Испытай же ловкость мою!
Что ж, прощай, сирота Табылды,
Остаются мои следы!..“
Напоследок старик произнёс,
Сидя важно в своём седле;
По киргизской ступая земле,
Уносил его Карабоз.
И, подобно горе, Чал-Калмак
Долго виделся вдалеке,
Долго ржал его аргамак,
Направляясь к Нарын-реке.

Весь аил узнал седока,
Весь аил слышал старика,
Всполошил аил Чал-Калмак,
И раздался тут лай собак,
Фырк верблюдов раздался тут,
Рёв коров и баранов шум.
Кое-кто, боясь, что убьют,
Схоронился, бледен угрюм...
Только сорок богатырей
Поднялись — и из юрт скорей,
С ними вместе Эрмек, Эльдияр —
Неразлучных двое друзей;
Будто хваткие тигры, они,
Будто вёрткие вихри, они,
Сразу на ноги встали они,
Ещё раньше слышали они,
Подозревали они,
Что замыслил неладное враг,
Этот старый вор Чал-Калмак.
И друзья Эльдияр и Эрмек,
Чуя чёрную тучу беды,
Побежали к Эр Табылды.
Спит младенческим сном человек,
Спит, не в силах открыть он век.
Будят долго его друзья,
Тормошат Эльдияр и Эрмек:
— Ну, вставай, Табылды, вставай,
Враг напал на киргизский край,
Подал голос свой Чал-Калмак,
Известил седой Чал-Калмак,
Что он наших коней угнал,
Что он пастбище потравил;
Только что на холме стоял,
Только что о тебе говорил.
Так вставай, вставай, Табылды,
Иль совсем обессилел ты?
Иль не слышишь ты лай собак,
Крик овец и коровий мык?
Побывал у нас Чал-Калмак,
Захватил лошадей калмык.
Не проехать нам и вершка:
Не осталось от косяка

Ни одного скакуна,
Ни одного стригуна.
Как теперь охранять народ,
И добро народа, и скот?
Ну, проснись, не лежи, как вол,
Посмотри, на кого похож...
Друг, теперь, подоткнув подол,
Ты куда же пешком пойдёшь?"

Был герой Табылды погружён
В богатый целебный сон.
Наконец разбудили его
Два дружка—Эльдияр и Эрмек.
Как с постели стащили его,
Так протёр глаза человек.
— Эльдияр и Эрмек, что за речь?
Лошадей, говорите, угнал? —
Заходили бугры его плеч,
Опершись на локоть, привстал,
Он оружие, доспехи и меч,
На стене своей юрты искал.
— Будь он проклят, этот калмык,
Этот хищный хвастливый старик!
Ему надо немало дней,
Чтоб добраться домой с косяком;
И, пока он гонит коней,
Друг за другом гонит, гуськом,
Через сто перевалов в обход,
Пока озеро обогнёт
И минует Кара-Каман,
И пока все хребты перейдёт,
Лошадей всех переведёт,
По горам я пешком пойду,
Наперерез, прямиком пойду,
Всё равно я его обгоню,
И добыча придёт сама,
У раздвоенного холма
Я устрою врагу западню.
Я с отцовским ружьём „Алмабаш“
У холма буду Чала ждать,
Я сумею его поймать,
Не уйдёт этот пленник наш.

Я не дам посрамить свою честь,
Брошу вора на белый лёд,
Пусть калмыка сам бог возьмёт,
Справедлива такая месть.
И о том, что идём в поход,
Извещать не буду народ,
Чтобы трудный в горах поход
Не тревожил родню и народ.
Пусть я сорок слепящих дней,
Пусть я сорок кромешных ночей
Проведу на горных хребтах,
Не устану, устанет враг.
Сорок лучших моих друзей,
Сорок дивных богатырей,
И батыры Эрмек, Эльдияр,
Тигры яростные мои,
Силы радостные мои,
Чтоб смелей нанести удар,
Пули, порох берите с собой,
Будет долгим и тяжким бой.
Пусть удача с нами идёт,
По ущелью пойдём вперёд
Извивающейся тропой,
Перевалим чёрный хребет
И с вершины, где снег и лёд,
Где и волк не оставил след,
Мы в подзорную глянем трубу,
Мы увидим вражбых коней
У раздвоенного холма,
По врагам откроем стрельбу.
Чал-Калмака мы разгромим,
Мы калмыков развеем, как дым.
Полагаюсь, друзья, на вас,
Режьте скот, готовьте запас,
Чтоб мясная еда была,
Чтобы силы было с лихвой.
А овцу, что белым-бела,
Ту, что с жёлтою головой,
Принесите в жертву сейчас
Духам добрым, хранящим нас.

Вот, готовясь идти в поход,
Закололи джигиты скот,
Взяли оружие они,
Собрались дружно они,
Собрались сорок богатырей,
Собрались они без коней,
Копья, пики, щиты в руках,
А мечи на поясах.

В это же утро, когда Эльдияр и Эрмек пришли разбудить Табылды, чтобы сообщить о похищении лошадей Чал-Калмаком, младшая сестра Табылды — четырнадцатилетняя Кардыгач, никому ничего не сказав, босиком ушла на пастбище.

И когда занялась заря,
Кардыгач поднялась говоря:
„Уведён, сказали, табун...
Где Арча-Тору, наш скакун?
Коль сумею — добуду я,
Приведу его брату я“.
Подоткнула платья подол,
Из аила ушла тайком
По тропе сухой через дол,
Заспешила бегом, бегом.
Громкий слышался сердца стук.
Пересекла цветущий луг,
Распадался пред нею мрак,
Рассыпалась ночная темь,
И, когда рассвело совсем,
Вышла девушка на большак.
Так ушла из аила она,
Не замеченная никем,
Так и шла она, шла одна,
Осторожно несла она
В торбе семь пригоршен зерна
Для Арча-Тору, скакуна.
Кардыгач, душою горя,
Шла и думала, говоря:
„Брат остался без скакуна!“

Вот и пастбище перед ней,
Только пастбище — нет коней,
И заплакала Кардыгач,
Не увидев даже теней
Сорока боевых коней.
Плачет милая Кардыгач,
Слёз поток и жгуч, и горяч.
Раздаётся зов поутру,
Раздаётся над полем плач:
„Кони, кони! Арча-Тору!“
Поднимается солнца круг,
И цветёт пёстрый сочный луг,
И колышется на ветру.
Кардыгач по траве идёт,
Кардыгач скакуна зовёт:
„Дорогой ты, наш славный конь,
Резвый, яростный, как огонь,
Быстроногий Арча-Тору,
И, хотя ты всего лишь конь,
Всё же брату ты верный друг.
И, хотя ты всего лишь конь,
Всё же необычайный конь,
Необыкновенный конь,
И не тебя ль, самый умный конь,
Гладила нежно моя ладонь,
И водой поила не я ль,
И зерном кормила не я ль,
И не мне ль ты всегда был рад?
Горе брата, мою печаль
Ты пойми и вернись назад,
Чтоб могла я тебя поймать,
Чтобы брату могла отдать,
Ты пойми и вернись назад.
И, хотя ты всего лишь конь
С сердцем яростным, как огонь,
Где б ты ни был: в горах, в лесу,
Я прошу, ты вернись назад,
Съешь зерно, что я в торбе несу,
С громким ржаньем вернись назад!
Как найти, как тебя поймать,
Чтобы брату тебя отдать?“

Дальше я идти не могу,
Я боюсь, попаду к врагу,
Душу сильно сжимает страх.
Здесь, на незнакомых лугах,
Здесь, на отдалённых горах,
Как пойду я дальше вперёд,
По дороге вдруг схватит враг.
Он посадит меня на коня,
Увезёт в свою юрту меня,
Он лишит моё сердце всего,
Стану я рабыней его...
Там, глядишь, молва сплетена:
„Убежала к врагу она“.
И посмешищем станет брат,
Одинокий, мой хан, мой брат,
Не вернёт он сестры назад,
Потеряв, не вернёт назад“.

Кардыгач на холм поднялась,
Из косых подсурмлённых глаз
Слёзы, слёзы... И Кардыгач
На холме стояла одна,
Сотрясал её плечи плач;
Изгибалась, будто волна,
Будто ветвь молодая, она.
Крошка, горя полным-полна,
Всё глядела туда она,
Где сходилась с небом земля.
А кругом тишина, тишина.
Там, вдали, ей с холма видна
Пыль, встающая, как копна.
Пыль стремительно к ней несло,
Стала облаком эта пыль.
Это облако всё росло.
И подумала Кардыгач:
„Это кто-то несётся вскачь,
Это люди, много людей,
Оседлавших табун лошадей.
Эта пыль для меня—западня,
Чал-Калмак, зная, увидел меня,
Это он торопит коня,
К гриве голову приклоня...“

Вдруг он схватит меня сейчас,
Будет мучить меня, кичась,
Не поверит в слёзы мои,
Вырвет чёрные косы мои,
Скажет чёрные мне слова,
Станет красною вся трава,
И покатится по траве,
Будто яблоко, голова.
Ой, моя, моя голова...
Будет красною вся трава..."

Стиснул девичье сердце страх,
И в полынных горьких стеблях
Села, спряталась Кардыгач.
Пыль, пыль и, ливень копыт,
Пыль, пыль; и земля дрожит,
И из пыли гнедой гривач
Вырывается прямо к ней,
И из пыли за ним косяк
В сорок мчащихся лошадей.

Арча-Тору был исключительным скакуном, он был умён, как человек. Ночью, когда Чал-Калмак захватил табуны киргизских лошадей, Арча-Тору, увлекаемый другими скакунами, пошёл через горные перевалы и оказался на берегу Нарына. На другой день незадолго до полудня он напился воды, покатался на песке, потом осмотрелся кругом и вспомнил о торбе с вкусной едой, которую ему ежедневно приносила Кардыгач. Увидев чужих людей, он фыркнул и, посмотрев на своих товарищей, сорок скакунов, заржал. Сорок скакунов отозвались и рванулись вслед за ним в узкое ущелье, только хвосты их мелькнули на солнце. Минуя перевалы, скакуны мчались на своё пастбище, на их пути возвышался холм, где сидела заплаканная Кардыгач. Узнав Арча-Тору, Кардыгач заговорила с ним:

„Милый, милый Арча-Тору,
Животинку мою узнаю,
Это ты примчался к бугру,

Где печальная я стою.
Славный, ты убежал от врагов,
Ты с собой привёл скакунов,
Мне на радость привёл сюда.
Видно, вспомнил те дни, когда
Корм-изюм ел из рук моих.
Скакуны киргизских долин,
Это вы шесть горных вершин,
Шесть вершин перешли крутых,
Шесть ущелий прошли глухих,
Это ваши в пене бока
И в росе с цветов луговых“.

Кардыгач с земли поднялась,
Вся в пыльной пыли поднялась
И шагнула навстречу коню,
Протянула сердечно коню
Торбу плюшевую с зерном
И со сладким, как мёд, кишмишом.
„Ой, мом-мо“, — подзывала она.
И Арча-Тору, скакуна,
Зануздав, обратала она,
И его, от счастья хмельна,
В правый глаз целовала она,
В левый глаз целовала она,
Жемчуг слёз проливала она,
Нежно круп потрепала она,
Гривы шёлк расчесала она,
Будто солнце, сияла она,
Сорока лошадям сказала она:
„Дорогие тулпары вы,
Ой, с глазами архара вы,
Корм-изюм вам, прекрасным, дам,
Накормлю я хороших вас,
Я попоны наброшу на вас,
Я отдам свою душу вам.
Скакуны мои, сорок вас,
И за то, что пришли сейчас,
Всё отдам наяву и во сне,
Жизни даже не жалко мне.

Кардыгач накормила Арча-Тору и посмотрела в ту сторону, откуда примчались лошади. На горизонте, на высоком холме, она увидела всадников. Это Чал-Калмак со своими батырами гнался за лошадьми. Когда Чал-Калмак заметил вдали на бугре табун, то решил, что это Табылды со своими джигитами остановил его, и тоже остановился. Кардыгач подумала, что её выследил Чал-Калмак, быстро вскарабкалась на Арча-Тору, взяла в руки торбу, поманила сзади стоявших сорок скакунов, приговаривая: „Кру-кру!“ — и помчалась к своему аилу.

В это же время богатырь Табылды со своими сорока джигитами навьючил верблюдов и быков и, сев на короткохвостую сивую кобылу пастуха, двинулся вперёд. За ним последовали пешком сорок джигитов. По дороге Табылды неожиданно увидел вдалеке вздымавшуюся пыль. Он поднёс к глазам подзорную трубу и подумал: „Неужели это едет Чал-Калмак, чтобы напасть на нас?“

Глядя вдаль, Табылды думал так:
„Если это сам Чал-Калмак,
Значит, бог мне удачу послал,
Значит, зверь в ловушку попал,
Значит, сам предо мной возник
Слишком важный чванливый калмык.
Застрелить его вместе с конём?
Иль его захватить живьём?
И калмыков на лошадях
Не повергнуть ли с сёдел в прах?
Табылды прикусил губу,
Он в подзорную глянул трубу.
Отчего это пыль летит?
Что за чудо? Земля дрожит.
Войско ль мчится ко мне напрямик,
Иль испуганный скот бежит?
Мчатся лошади — нет людей,
Нет людей на хребтах коней...
Тут глаза он протёр платком.
Что за чудо? На первом верхом...“

Он узнал это чудо, узнал.
Сорока джигитам сказал:
„Посмотрите, мои друзья,
Не заплакать душе нельзя,
Впереди всех — Арча-Тору,
Грива вспенена на ветру,
Посмотрите, а кто на нём? —
Кардыгач наша едет верхом.
Привела она лошадей...
Ах, босая девчонка моя.
Дорогая сестрёнка моя,
Ты в беде — опора моя,
Как тебе благодарен я!
Позаботилась ты о нас,
Разыскала всех скакунов,
Вы, друзья мои, сорок волков,
Приготовьте подарок сейчас...
Разве думали вы, мой оплот,
Что от девочки помощь придёт?
Посмотрите, как на коне
Воронёнок летит ко мне,
Воронёнок крошечный наш,
Неусыпный и нежный страж
Боевых, богатырских коней,
Вашей славы и чести моей.
Дорогая сестричка моя,
Кардыгач, невеличка моя,
Ты тонка, косичка моя,
И легка ты, птичка моя,
Неотделима от нас, как тень.
В этот радостью скудный день,
В этот горький и трудный день
Сослужила ты службу нам,
Нам — киргизским богатырям!
Ты, проснувшись, вновь не легла,
Лошадей ты искать пошла.
И опять дружина моя
Крылья мощные обрела.
Хоть и девочка-крошка ты,
Но в минуту лихой беды
Ты смогла народу помочь“.
И смеялся Эр Табылды,

Бил руками себя по бокам,
И счастливо плакал, смеясь,
И катилися по щекам
Неуёмные слёзы из глаз.
Рядом плакала тоже навзрыд
Вся дружина, каждый джигит,
Видя малую Кардыгач,
Лошадей видя, мчащихся вскачь.
Все шумели, оружием звеня,
Всё смешалось: и крик, и плач,
И хотел каждый снять с коня
Крошку-девочку Кардыгач.

А умнейший Арча-Тору
На хребте нёс, как птичку, её,
Так что в стороны на ветру
Разлетались косички её,
Оголились ноги её,
Встречный ветер в дороге с неё,
Как на зло, тубетей сорвал,
Чёлку поднял и растрепал.

Вот Арча-Тору к ним спешит,
Что есть силы к батырам бежит,
К небу облачному летят
Комья, камни из-под копыт,
Стебли вырванной лебеды...
Кардыгач, увидав Табылды,
Закричала вдруг: „Мой ага!“
Как была она дорога
Табылды и его друзьям,
Всем киргизским богатырям.
И в один промелькнувший миг,
Пуллей выстреленной летя,
Улыбаясь, достигло их
На гнедом скакуне дитя.
Весь табун прискакал за ней,
Весь табун самых разных мастей,
Ноздри розовые коней
Раздувались, пар из ноздрей,
Тяжело ходили бока...

„Дорогие сорок ака,
Ваших всех коней привела ... —
Только это сказать и смогла
В этот радостный миг Кардыгач“.
Взгляд её был нежен, горяч.
Бил копытом гнедой гривач,
Скалил зубы, тихонько ржал.
Сняли с лошади Кардыгач.
Табылды, сияя, сказал:
„Дорогая надежда моя,
Пропылилась одежда твоя...
Ты скажи, сестрёнка моя,
Ничего от меня не тая,
Как же ты покинула дом,
Знала ли об уходе твоём
Чачикей — невестка твоя?

И, оправив платье и пыль
Отряхая в седой ковыль,
Кардыгач отвечала ему:
„Не сказала я никому,
Никого не спросясь, ушла,
Как заря занялась, ушла,
Я одна, торопясь, ушла,
Торбу с кормом забрав, ушла,
По тропе среди трав ушла“.
Сорок братьев-богатырей
Долго-долго внимали ей,
Долго длился её рассказ,
Как сюда привела коней,
Как боялась порой она
В стан врага набрести одна...
Ободрённый Эр Табылды
Вновь держал в руках скакуна,
Будто крылья своей мечты,
Как прекрасную сердца весть...
„Кардыгач, хоть и девочка ты,
Но спасла, как батыр, нашу честь!“
Табылды уже рвался вперёд,
Горячились богатыри.
Будет жарче, смелей поход,
В путь пойдут до закатной зари.

И смеялись они теперь,
Лошадей в табуне лоя:
„Чал-Калмак, кровожадный зверь,
Превращён будет нами в червя“.
Сколько здесь тулпаров гнедых,
И соловых, и вороных,
И батыры уздечки легко,
Улыбаясь, надели на них.
Припадали к гриве густой,
Вытирали на крупах пот,
Веселясь, будто к другу на той,
Собирались они в поход.

Отскучали батыры все,
Наступил долгожданный миг,
Духи счастья сошли на них.
Ободрились батыры все,
Оседлали коней своих:
Вороных, соловых, гнедых,
Сбыться их мечтам довелось,
Их желанье теперь сбылось.
Что ж, в монгольских сёдлах они
Проведут боевые дни.

Каждый всадник глядит орлом,
Каждый всадник незыблем, как холм,
Каждый всадник — народа честь,
Не отступит ни перед кем,
Есть кольчуга, и панцырь есть,
И на брови надвинут шлем.
Как надёжный и верный страж,
Есть у каждого „Алмабаш“,
Как навеки преданный друг,
Есть у каждого грозный лук,
Как могучих помощника два,
Есть секира и булава.
Будто огненные лучи,
Есть для схваток у всех мечи.
Встали всадники все в ряды,
Впереди на гнедом — Табылды.
Взяли волосяной аркан,

Приторочили барабан.
На ветру колыхнулись легки
На точёных копьях флажки...

Табылды решил сообщить о своём походе многочисленному киргизскому народу. Он написал письмо-обращение к самым мудрым людям народа Катаган, владеющим хорошим словом, которое воспламеняет сердца; ко всем, имеющим хотя бы шубу и лошадь и готовым отправиться в далёкий и трудный путь. Это письмо он вручил Кардыгач, которая должна была передать его старейшине роду Катаган — старцу-богатырю Усте. Для Кардыгач Табылды оседлал короткохвостую соловую кобылу и, прощаясь, сказал:

„Дорогая сестрёнка, прощай!
Нам в дороге помехой не будь.
Вот письмо. Смотри, не теряй,
Передать Усте не забудь,
Написал не Усте одному,
Написал народу всему,
Написал седобородым отцам,
Катаганским всем мудрецам,
Умеющим обращаться к сердцам,
Имеющим порох, пули стрелкам,
Умеющим стрелять по врагам,
Имеющим много скота,
(Чтоб дружина была сыта),
Написал я всем силачам,
Богатырям-мастерам,
Что умеют биться с врагом
Булавою, пикой, копьём.
Я подробно в письме написал,
Не забыл сказать ничего,
Я от чистого сердца сказал,
Не оставят пусть никого.
Кто оружие умеет носить,
Кто врага может метко бить,
Если будет жить и дышать,
Как галчонок, моя душа,
Если не отвернётся судьба,

Будет счастьем моя борьба,
Захвачу я калмыков тогда,
Проучу я калмыков тогда.
Если дела хорошо пойдут,
Если наши на помощь придут, —
В Багартае меня найдут,
В Каракамане меня найдут.
Кардыгач, мой светик, прощай,
Повторяю: письмо не теряй,
Прямо в руки Усте передай,
От себя, дорогая моя,
Ничего ты не добавляй!
Не печалься и не страдай,
Иногда своего абаке
В тихой песенке вспоминай.
Неспроста я за меч берусь,
Победив врага, я вернусь“.

Когда Эр Табылды проводил Кардыгач, сорок джигитов сказали ему:

„Что желали мы — дал нам бог;
Наступает сраженья срок,
Наша милая Кардыгач,
Наш весенний горный цветок,
От бесчестия нас спасла,
Лошадей назад привела.
Мы недаром пошли в поход,
Силу нашу почувствует враг.
Зверь завистливый Чал-Калмак,
Если выйдет навстречу — умрёт.
А не выйдет, сами найдём,
С Карабоза пулей собьём.
Проторил новый путь калмык,
Мы поедем его путём.
Мы по узким ущельям пройдем,
Мы по жёсткой пройдем земле,
Лесом предвечерним пройдем,
Перевалим горы во мгле
Под сиянием тихих звёзд,
Не боясь калмыцких угроз.
Мы разведаем все пути,

Мы сумеем калмыков найти,
Мы проучим воров лихих,
Чтоб чужой не трогали скот,
Отобъём мы охоту у них
Нападать на киргизский народ“.

И дружина тронулась в путь
По долинам и по горам,
Каждый воин храбр и упряма,
Жаркой мезтью пылает грудь.
По калмыцкой дороге крутой
Разной масти коней ряды.
Живописен строй боевой,
Впереди с подзорной трубой —
Богатырь, герой Табылды.
А за ним Эльдияр и Эрмек,
Сорок верных богатырей.
Едут, едут они без помех
По земле дорогой своей.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

осле большого перехода Табылды, оставив дружину, поехал на разведку. На одной из возвышенностей богатырь остановился и стал смотреть в подзорную трубу. На Сары-Белион заметил пасущихся лошадей и отдыхающих калмыков. В это время во главе с Чал-Калмаком на перевал поскакало шестьдесят богатырей-калмыков, видимо на разведку.

Всё это увидев, обрадовался Табылды и немедленно поскакал к своим сорока джигитам.

Дружина села на коней и напразилась к табунам.

И поехал Эр Табылды
К табунам с отрядом своим
По опасным склонам крутым,
Через гребень горной гряды.
И со склона горы Жыланач
Поглядел он пристально вниз
И увидел из-под руки
На лугах коней косяки,
В каждой впадине сотни паслись...
Тысяч шесть, должно быть, всего...
Почему-то не видно людей,

Охраняющих лошадей.
Это очень смутило его.
Где калмыки? Он подал весть,
Устрашающе закричал:
„Выходи на бой, кто тут есть!“
Кроме эха, на зов его
Не откликнулось ничего...
Видно, враг, затаясь, молчал.
Табылды с друзьями скакал,
По ущельям коней собирал
И сгонял их в один табун.
Будто птица, под ним скакун
Через камни перелетал,
Раскрывая огненный рот.
Табылды, будто барс, удал,
Будто тигр, бросался вперёд.
Будто сокол смелый, кричал,
Направляя ход косяка...
Вдруг в долине Жыланача,
У истоков Кок-Булака,
Недалёко от табуна,
Он увидел пеших людей,
Протиравших глаза со сна.
Не найдя своих лошадей
И не чуя ещё беды,
Они кинулись к Табылды,
Полагая, что это калмык,
Развлекающийся шутник.
Но когда он саблю-алмаз
Резко выхватил из ножен,
Остолбенели калмыки враз,
Осатанели калмыки враз,
Издавая от злобы стон,
Быстро поняли: рядом враг,
Их сковал жесточайший страх,
И в нестройные их ряды
Лихо резался Табылды.
Он прошёл всю толпу насквозь,
Он рубил и прямо и вкось,
Он одиннадцать уложил,
Пять калмыков только спаслось.
И погнали, крича, коней

Табылды и сорок друзей
По ущельям, вдоль маленьких рек.
Он коня приостановил,
Самого себя вдруг спросил:
„Где сейчас Эльдияр и Эрмек?
Удалось захватить им скот?..“
Разворачивается поход!

В один из дней приехал старец Уста в лагерь Табылды. Он привёл с собой пятьсот человек. Уста с пятьюдесятью людьми погнал табуны лошадей в свой аил, а четыреста пятьдесят человек остались в качестве воинов у Табылды.

Однажды утром, когда ещё спали сорок джигитов, Табылды отправился на разведку. Взошло солнце, и он с вершины холма увидел переходящее через хребет Сары-Бель войско калмыков, оно спускалось в долину реки Балгарт. Табылды вернулся обратно и разбудил своё войско.

„Дорогой Эльдияр, пора!
Поднимайся, нас ждут бои.
Навостри ты глаза свои...
Едет Чал-Калмак, как гора.
Подымайся, довольно спать!
Хорошенько слушайте все:
За холмом, недалёко совсем,
Войска движется тысяч пять...
Тьма калмыков едет верхом,
Направляясь к реке Балгарт;
Друг за другом едут гуськом,
Очень много идёт пешком.
Нам отсюда они не видны.
Перейдя перевал Сары-Бель,
Быстро движутся к нам они...
Я с холма, удивляясь, смотрел,
Я со страхом, каюсь, смотрел...
На Карабозе старик сидит,
Латы кожаные на нём,
И сверкает огромный цит,
Отливает медным огнём.“

Конь доспехами весь покрыт.
Чал-Калмак во всю мочь кричит,
Вертит в бешенстве головой,
На окрестные горы глядит.

Хорошо, что я на заре
Поднялся, вас будить не стал.
Знаю, каждый из вас устал.
Очутился я на горе,
На раздвоенном том холме,
В дымно-розовой полутьме,
И за камнем огромным встал.
Слыша сердца стук в тишине,
Я в подзорную глянул трубу
На вершины во мгле, в седине.
Звёзды таяли в вышине,
Небосвода светлел простор,
Завиднелись кусты арчи...
И, когда в зазубринах гор
Запылали солнца лучи
И запела кукушка вдали,
Я, как сокол, затрепетал —
В котловине, в тонкой пыли,
Первых всадников увидал.
Прибыл враг, чтоб нас порубить,
Прибыл враг, чтоб нас погубить
И коней, что угнали мы,
Повернуть назад, возвратить...
Нас с калмыцким войском пока
Разделяет Балгарт-река.

Дорогой батыр Эльдияр,
Ты всегда, друг, разумным был,
Ты встречал врага и разил,
Нанося смертельный удар;
Так умел провести врага,
Так умел обойти врага,
Что всегда выигрывал бой...
Мне смекалка твоя дорога.
Знаю я — и в стрельбе
Уступают батыры тебе,
Тигра ты убивал наповал,

Целясь в глаз, ты в глаз попадал,
Ты подумай, совет нам дай,
Что нам делать и как нам быть,
Как калмыкам — совет нам дай! —
Путь немедленно преградить.

Сорок славных джигитов, ведь вы
Мастера ружья, тетивы,
Мастера копья, булавы,
Непреклонные мои львы,
Знаю, каждый джигит из вас
Пред врагом не склонял головы.
Я смелей бойцов не видал,
Я искусней стрелков не знал,
И охотничья ваша душа
Не могла никогда устать,
Ваши выстрелы в камышах.
Не давали стаям взлетать,
Если кто взлетел в небосвод,
Вы без промаха били влёт.
За рекою враг, недалёк.
Он в дороге, видать, изнемог,
Может, он отдохнуть прилёт;
Надо зорче за ним глядеть.
Наступает сраженья срок,
С нами Баабедин-пророк.
Две кольчуги, один олпок
Каждый воин должен надеть.
Надевайте латы, друзья,
И подвешивайте щиты...
Укрепляйся, дружина моя,
Собирайся, дружина моя,
Всё зависит от быстроты.
Кличем будет имя „Манас“.
Поведёт оно в битву нас.
Это имя, как имя отца,
Дух победы вдохнёт в сердца.
Каждый мужество обретёт
В миг, когда рванётесь вперёд,
Наподобие снежных лавин.
Пусть не дрогнет из вас ни один,

Ни один не падёт на луг...
Призывайте Манаса дух
И кричите: „Баабедин!“
И кричите ещё: „Алмамбет!“
Нагоняйте страх на врагов,
Дорогие сорок волков.
И ещё хочу дать совет:
Берегите себя в бою,
Жизнь храните, друзья, свою;
Чтоб в кустах притаившийся лук
Не свалил бы с коня на луг,
Оглядитесь прежде вокруг.
А когда придёт аламан —
Беспорядочной схватки пора,
Берегитесь аркана, друзья;
У калмыков есть мастера
Применять в сраженьи аркан.
Беспощадная бичева
Просвистит, страшна и резва,
Не успел увернуться джигит —
И захлестнута голова.
Нападайте внезапно всегда
И стреляйте мгновенно всегда.
Что ж, давайте мы подадим
Руки друг другу — и на коней!
Биться придётся нам много дней.
Калмыки на том берегу, и им
Переправиться не дадим;
Не продвинутся ни на пядь
На откосах береговых...
Будем с этого берега в них
Непрерывно стрелять.

Чал-Калмак, взяв с собой пятьсот воинов, у склона чёрных гор искал переправу. Думал: „Устрою интересный бой киргизам и верну лошадей обратно“. Как сел Чал-Калмак на лошадь, Табылды видел в подзорную трубу.

Табылды разделил своё войско по десяткам, Эрмека поставил позади, Эльдияра в середине.

Для охраны лошадей выделил десять джиги-

тов. Сам Табылды с десятью джигитами направился в верховье реки.

Чёрная река пахла кровью, шумела, а берега реки шуршали. Когда настало утро и землю стало видно, Табылды встал на камень и посмотрел в подзорную трубу.

Возле нижнего брода над войсками он увидел клубящийся ружейный дым.

Табылды сел на Арча-Тору и направился с джигитами к нижнему броду.

Молодец, Табылды, молодец,
Для него народ, как отец,
Он прислушивается к нему,
Молодец, батыр, молодец!
Табылды придержал коня,
Осмотрел внимательно брод.
На переправе гудит народ,
Суматоха и толкотня.
И стоят реки берега,
Ощетинясь, как два врага.
Копья, пики и тут, и там,
Люди мечутся по берегам.
Глухо голос ружья звучит,
Дым качается над водой.
Люди бросились в волнобой,
Люди выхватили мечи...
Тут и пеший и верховой,
И редет строй боевой,
В пятнах крови река течёт
И уносит людей с собой.
Страшен дикий напор воды,
Страшен бешеных волн набег!
„Где же тут Эльдияр и Эрмек?“ —
Сам себя спросил Табылды.
И увидел Эр Табылды:
Прибывают врагов ряды,
Разгорается воинский спор,
Распалается воинов пыл.
И тогда он во весь опор
Скакуна своего пустил,
Боевого Арча-Тору,

Грозового Арча-Тору,
И калмыки, его увидав,
Сразу поняли: „Мчится беда!“
Раз! — ударил камчой скакуна,
Два! — ударил камчой скакуна,
Перед ним из мечей стена,
Из калмыцких плечей стена,
Смотрит злобно множеством глаз
Молодых силачей стена.
Табылды — на дыбы скакуна,
Крик вдруг вырвался из груди:
„Дух Манаса, сойди на нас!
О Манас, солнцеликий Манас,
К Табылды на помощь приди!“
И он двинулся на врагов,
В бой он ринулся, говоря:
„Встань, батыр, горой, — говоря, —
Рядом встань со мной, — говоря, —
Алмамбет, помоги, — говоря, —
Перед нами враги, — говоря, —
Где же главный враг? — говоря, —
Где же сам Чал-Калмак? — говоря, —
Где он, старый волк? — говоря, —
Почему приумолк? — говоря, —
Мы сразиться должны, — говоря, —
Мы рубиться должны“, — говоря.
Табылды на калмыков напал,
Во все стороны он смотрел,
Будто белый тигр, он рычал,
Будто пёстрый барс, он ревел,
Озирался по сторонам:
„Где укрылся противник наш?“

Табылды снял с плеча „Алмабаш“,
Трижды выстрелил по врагам;
И, от ярости весь дрожа,
Он летел со склона на склон,
В гущу войска врезался он,
Наготове петлю держа.
Раздавался предсмертный крик,
За калмыком падал калмык.
Богатырь в сраженье суров,

Много скатывалось голов,
И валялись по всей земле
С бунчуками копья врагов.
На дыбы конь храпя вставал,
Табылды Чал-Калмака искал,
Он окрестности озирал,
И, на переправу взглянув,
Чудо-шествие увидал...
Шли калмыки, шли они вброд,
Шли, взрывая воду, вперёд;
Были пешие и на конях,
Поднимали величье своё —
На ветру разноцветный стяг,
С бунчуком большое копье.
Было столько грозящих их,
Сколько шерсти есть у вола,
Старых воинов и молодых
Сила ненависти вела.
Шум и крики, и брань неслись,
Колыхалась от копий высь.
В середине скопища он,
Устрашающе вооружён,
На коне восседает батыр,
И дымится трубка в зубах,
За спиною лук „Алангир“,
И ружьё „Сыр-Баранг“ в руках;
Меч на поясе, остр клинок,
У седла на копье флажок,
На флажке сверкает узор;
Сбоку, справа, висит кисе,
Сбоку, слева, висит чокмор.
Чал подобен идущей грозе
Над вершинами малых гор,
Он глядит, скуласт и раскос,
Исподлобья глядит, спесив,
Нос прямой его, как утёс,
И надбровье над ним, как обрыв;
А во взгляде — хитрость лисы;
Щёки вздулись, торчком усы,
Свисла сивая борода.
Бьёт взъярившаяся вода
В голенища его сапог,

Сыромятных его сапог.
Конь по брюхо в реке намок.
Чал-Калмак торжественно строг,
Говорит, будто гром гремит,
Будто хочет кого-то съесть,
Хватким беркутом он сидит,
Распирает калмыка спесь,
На луку бросив повод узды,
Впился взглядом он в Табылды.

Табылды, опустив трубу,
Побледнел, закусил губу,
Громко крикнул: „Манас! Манас!“
Звонко выкрикнул: „Алмамбет!“
Из ружья он выстрелил раз,
Говоря: „Попаду или нет?“
Он попал в Чал-Калмака, попал,
Но, ослабшая на лету,
Пуля чиркнула по щиту...
В воду, булькнув, свинец упал.
И тогда Табылды ружьё,
Боевое ружьё своё,
Перекинул через плечо
И хлестнул скакуна камчой,
„Всё равно заколю,—говоря,—
С Карабоза свалю“,—говоря;

И он на руки поплевал,
Пику острую крепко сжал.
Будто элик, Арча-Тору,
Лихо взбрыкивая, бежал.
Под копытом камень гремел,
Вал реки впереди шумел.
Табылды к Чал-Калмаку в упор,
Потрясая копьём, подлетал...
Он прицелился в самую грудь,
„Это сердце зла,—говоря,—
Мёртвым сброшу с седла“,—говоря.
И, едва он успел взмахнуть
И ударить врага копьём,
Заслонился калмык щитом.
От удара щит затрещал,

Зашатался в испуге Чал,
Окунулся в реку Карабоз,
Карабоз чуть-чуть не упал.
За мечи схватились они,
Что есть мочи рубились они,
Сидя в сѣдлах на лошадях
Друг от друга наискосок.
Был у каждого тяжек замах,
И у каждого лопнул олпок.
Скакуны бок о бок сошлись,
За секиры батыры взялись,
Бить стараясь по голове,
Великаны в реке дрались.
Бились палицами они,
Ударяя смаху в щиты,
И кричали до сипоты,
И горели в глазах огни.
Поломали секиры они,
Ружья вымокли, порох смок,
Утонули в реке кремни,
И чокморы унёс поток.
Не сдавался бойцу боец...
И за ворота наконец
Ухватили друг друга они,
Руки сжались, как клешни.
По камням бежала река,
Как дорога, лежала река,
Двух батыров тащила река,
Эта страшная сила — река,
Эта чёрная глубина.
Их захватывала она,
Раскрывая ревущую пасть.
Кони ржали, уши торчком.
Каждый смаху хотел попасть
По виску врага кулаком.
Чал из ножен вырвал кинжал,
В грудь врага загнать норовил.
Табылды налету схватил
Руку Чала и крепко сжал,
Изогнулся Чал, задрожал,
Рыбой выскользнул в воду кинжал.
Чала стал Табылды тащить,

Выдирать его из седла,
Чтоб в реке его утопить.
Враг сидел на коне, как скала.
Хитрый враг был не по плечу,
Многоопытен, седовлас,
Он, проклятый кокберечу,
Как корнями к седлу прирос.
Бой в реке. Глухо брань звучит.
Скакуны зашли глубоко.
С Карабоза в воде стащить
Старика не так-то легко.
Вниз батыров поток сносил.
Табылды не хватало сил,
И тогда Чал-Калмака он
Вдруг за бороду ухватил,
Ухватил и рванул Табылды,
Напрочь вырвал полбороды,
Крикнул: „Вот тебе, так и живи!“
Чал зубами заскрежетал
И ощупывать рану стал:
Подбородок его в крови,
Подбородок гол, без волос.
Растерялся Чал в этот миг.
Оступился конь Карабоз,
Провалился в яму калмык,
Захватил его водоворот,
Закрутил его водоворот.
„Эй, держи!“ — вдруг раздался крик.
И, захлёбываясь водой,
Окунаясь вглубь головой,
Услыхал этот крик старик.
Всадник вынырнул невдалеке,
Карабоз поплыл по реке,
Унося седока от беды.
Разделил мощный вал воды
Карабоза с Арча-Тору,
Чал-Калмака с Эр Табылды.
Табылды вдогон: „Стой, старик!“
Но меж всадниками возник
Неожиданною стеной
Камень с юрту величиной,
Чёрный камень, и крут, и велик,

Из воды выступал, как клык.
И, пока сражались они,
За мечи хватались они
И до чёрного камня в реке
Перемещались они,
Весь народ обеих сторон
Битву смертную прекратил,
Каждый из обоих племён
На поединок взор обратил.
Каждый воин смотрел, как дрались
Два батыра: калмык и киргиз.
И глядел на них Эльдияр,
И горел внутри его жар.
И, когда наносил удар
Старый хитрый зверь Чал-Калмак,
Тихо вздрагивал Эльдияр,
Крепко пальцы сжимал в кулак.
Конь под ним копытил следы...
Эльдияр думал лишь об одном:
„Не помочь ли мне Табылды,
Не сломить ли врага вдвоём?
Одинокий, поди, устал,
Он, поди, обессиленным стал;
Чал-Калмак ребёнка убьёт,
Труп ребёнка река унесёт“.
И терпению пришёл конец,
Эльдияр сказал наконец:
„Вы врага отвлеките“, — сказал,
Сорока джигитам сказал,
На калмыков рукой показал,
Сам по берегу поскакал.
Он проехал одну версту
По береговому хребту,
Не спуская с батыров глаз.
Видал: лошадь оборвалась;
Видал: камень меж ними возник;
Видал: вниз уплывает старик...
Видит: медленно, напрямик
Едет вымокший Табылды,
Лошадь иноходью идёт,
И с одежды струя воды
На каменья глухо течёт.

На герое разодран олпок,
Виснет ваты намокший клок,
Сам герой угрюм и сердит,
Упустил Чал-Калмака из рук—
И несчастный парень грустит.

Подъезжает к нему его друг,
Эльдияр подъезжает к нему.
„Где твой враг, скажи, Табылды?
Упустил его почему?
Ах, несчастный мальчишка ты!
Ах, ты милый мой Кабылан,
Чья отвага, как пламя, всегда,
Катаганского рода султан,
Если б даже в тот миг тебя
Если б дальше тебя вода
На длину аркана снесла б,
Если б ты, сражаясь, ослаб,
Если б ты утомился в борьбе,
Неприятеля злого губя,
Разве б не подоспел я к тебе,
Разве б не поддержал я тебя?
Где старик, как из рук улетел?
Иль ты сам в бою постарел?“

Но молчал султан Табылды,
На упрёки не отвечал,
Кинул наземь клок бороды,
Головой слегка покачал.
Он стоял с омрачённой душой,
Он глядел на берег чужой,
Пламя молний сверкало в глазах...
Где же скрылся там Чал-Калмак?

Чал-Калмак, укрыв своё войско в ущельях
Кара-Камана, взял с собой двух батыров и на-
правился к войску Табылды. Увидев это, находив-
шийся в разведке Табылды сказал Эльдияру:

„Дорогой мой друг Эльдияр,
Посмотри, это ж едет Чал...
Я подобного не встречал.

Видно, хитрый калмык нам в дар
Самого себя хочет дать.
Отчего б его не принять!
Мы разыскиваем его,
Не предполагая того,
Что надменный калмыцкий хан
Направляется сам в капкан.
Сердцу нравится моему,
Что он едет навстречу нам,
Подготовлю сечу ему,
По заслугам врагам воздам.
Эльдияр, поезжай быстрее,
Извести ты наших людей,
Все должны наготове быть,
Чал-Калмака надо добыть,
Надо хищника окружить,
Что задумано—совершить.
Мы захватим его, а потом
И на войско его нападём.
Поезжай, Эльдияр, поезжай,
Наших воинов поднимай,
Сообщи им приятную весть.
Я останусь в засаде здесь.
И, покамест петляет он
По ущелью и по холмам,
И пока взберётся на склон,
И пока доберётся он
В наплывающих сумерках к нам,
Подготовитесь, мои львы,
Подготовитесь встретить вы
Кровожадного старика,
Беспощадного старика.
Затаясь, встречайте его,
Не боясь окружайте его.
Он поедет мимо меня,
Торопя в лунном дыме коня.
Я дождусь в засаде его,
Я вперёд чуть-чуть пропущу,
Я поеду сзади него,
По следам гнедого пуцу.
Если враг назад повернёт,
То к своим он не попадёт.

Я копьём его угощу,
Из ножон выну тяжкий меч
И пришедшего подстеречь
Нас, киргизов, застать врасплох,
Я заставлю—поможет бог!—
Захлебнуться кровью своей.
Я недаром ищу много дней,
Не напрасны мои труды...
Ну, езжай, Эльдияр, спеши!“ —
Так напутствовал Табылды
Эльдияра в ночной тиши.

Ускакал Эльдияр к своим,
Войску весть прокричал,
Мол, с двумя батырами к ним
Едет, крадучись, в гости Чал.
Эльдияра краток рассказ,
Передал Табылды наказ,
Чтоб держались джигиты смелей.
Эта весть, дорогая весть,
Подняла, как выстрел, людей,
Заседлали быстро коней;
Все готовы калмыка сместить
С обетованных гор,
Навсегда стереть, как позор.
Наготове оружие и месть!
Все стояли настороже,
Ожидали врага уже...

Между тем у холма во мгле,
За скалой, стоял Табылды,
На сухой каменистой земле
Чал-Калмака ждал Табылды.
Стук копыт, лязг удил и колец
В тишине услышал Табылды.
„Пусть проедет вперёд мертвец“, —
Про себя сказал Табылды.
Верховых троих наконец
В ста шагах увидал Табылды.

Чуть пошатываясь в седле,
Едет медленно Чал-Калмак,

Чтоб на вражий взглянуть бивак,
Едет, пулю держа в стволе.
Говорит двум батырам своим:
„В эту ночь Табылды разгромим.
Он, мальчишка, наверно, спит“.
Конь вдруг взбрыкивает под ним,
Чал камчой Карабоза бьёт.
Карабоз ушами прядёт,
Настораживаясь, храпит.
Конь тревожится у скалы,
В глубине клубящейся мглы
Рассыпается дробь копыт...

А к скале Табылды приник.
Миновал Чал-Калмак тайник,
Вот и мглой уже заслонён...
Табылды смотрит вслед, распалён,
От напряжения взмок,
„Не напрасно ли?—думает он.—
Рано, рано, не вышел срок.
Пусть проедет ещё старик,
Подготовлю ему силок“.

Стук копыт доносился едва,
Не различимы стали слова;
Табылды коня зануздав,
В „Алмабаш“ он пулю загнал,
Приготовил фитиль ружья,
Сжал рукою древко копья
И по следу пустил коня.

Чал-Калмак, услышав шум воды,
Остановился на берегу,
Разглядел в низине сквозь мглу
Тени всадников Табылды.
Ухмыльнулся довольно Чал,
Глухо спутникам зашептал:
„Я останусь, пожалуй, здесь,
Кто-нибудь, батыры, из вас
Пусть обратно скачет сейчас
Передаст войску нашему весть.
Пусть оно сюда поспешит,

Каждый будет добычей сыт;
Сном, как облаком, враг объят,
Безмятежно киргизы спят.—
Чал довольный взмахнул рукой,—
Поезжай лучше ты, Когой,
Поднимай джигитов, Когой,
Ваш батыр, им скажи ты, рад.
На киргизов глядит, скажи,
Воронёнок-то спит, скажи,
Пусть построятся так, скажи,
Приказал Чал-Калмак, скажи,
Силачам впереди, скажи,
Остальным позади, скажи,
Осторожно идти, скажи,
Не шуметь по пути, скажи,
День удачи нынче, скажи,
День большой добычи, скажи.
Как забрезжит рассвет, скажи,
Так на спящих пойдём, скажи,
Будто коз, перебьём, скажи,
Ваш батыр дал обет, скажи,
Воронёнка к утру поймать
И арканом к седлу прижать.
Я примером всем послужу,
Я искусство войны покажу!
Понимаешь? „Когою шептал,
Предвкушая победу, Чал.
Басовитый голос дрожал;
Чал-Калмак и не замечал,
Что и шёпот его звучал,
Будто ветер в ущелье, гудел.
Табылды все слова различал,
Наставленья Чала слышал;
Дикий гнев Табылды обуял,
Будто тигр, он рассвирепел,
Будто гром в груди рокотал,
Будто горный поток кипел.
Мимо рысью проехал Когой.
Табылды из-за камня встал,
Он ружьё торопливо снял
И прицелился в тень коня,
В смутный в ста шагах силуэт.

Вспыхнул выстрела красный свет,
Выпорхнули крылья огня,
Пролетела пуля во мгле,
Просвистела пуля во мгле.
Рухнул наземь конь, захрипел,
Падая, седок закричал.
„Это пал джигит, а не Чал,
Чал, конечно, остался цел,
Чал, конечно, может спастись“, —
Табылды пронизала мысль.
Он к Арча-Тору подбежал,
Конь тихонько нежно заржал.
Был напуган выстрелом Чал.
Думая, что в засаду попал,
Обратился в бегство калмык,
Карабоз хвастуна помчал.
Табылды охоту повёл,
Он в ночи, как чёрный орёл,
Закричав, рванулся за ним.
Преследуемый неутомим,
Преследователь, будто вихрь,
Движимый стремленьем одним —
Пикой, саблей врага достать,
Пулей смертельно пронизать.
„Неужели уйдёт опять?
Нет, я должен его догнать!“ —
Думал мчащийся Табылды,
Не переставая стрелять.
„Алмабаш“ трещал, грохотал,
Табылды за Чалом скакал.

Разъярясь, камчой по бедру
Он ударил Арча-Тору
Изо всех, размахнувшись, сил,
Нестерпимо ожёг удар.
Конь взвился, удила закусил,
Прыгнул бешено, как архар,
Горностаем вздымая хвост,
И приблизился Карабоз.
Расстоянье в один аркан
Оставалось до врага,
Ясно виделся великан

Оперлась на стремя нога,
И рука занесла копье,
Остриё, как волка язык;
Ещё миг—и раздался крик,
Табылды воткнул остриё...
Сталь кольчугу разорвала,
Меж лопаток в спину вошла;
И согнулась спина в дугу,
Ухватился калмык за луку,
Чуть с коня не свалился вниз..
Ловко, метко попал киргиз!
И броню пробил, и олпок!

Обгоняя наискосок,
Он попробовал ещё раз
Чал-Калмака ударить в бок,
Справа в бок, под ребро.
Но блеснуло клинка серебро
(Чал железен был и упряма),
И копье Табылды—пополам.
„Нет,—кричал киргиз,—не уйти!
Я набег твой не позабыл!“
Он противника к смерти теснил.
Поравнялись кони почти.
Табылды на полном скаку
Из ножон вырвал белый меч,
Чтобы Чал-Калмаку башку
Без промедленья отсечь.
Вот и меч он уже занёс...
Неожиданно Карабоз
Круто в сторону повернул
И куда-то во мглу нырнул,
Унося седока на хребте.
Табылды в ночной темноте,
Меч держа, проскочил вперёд;
Сделал конь его поворот,
Ринулся было наперерез,
Но противник уже исчез,
Будто в землю ушёл старик.
Стук копыт Карабоза стих.
Табылды один в тишине
Ехал, ехал, будто во сне.

Подходило время к утру.
Остановился Арча-Тору.
Ночь густая в звёздах текла.
Впереди, подобно стене,
То ли камень, то ли скала...

А напротив возле ручья,
Огибая высокий холм,
Ехали калмыки верхом.
Копий выставив острия,
Двигались всадники, вёл Когой,
Двигались всадники по три в ряд,
Ударяли копыта, как град.
А со стороны другой
Крики громкие раздались,
То киргизы-джигиты неслись...
В темноте завязался бой.
Зашумела долина вся,
Загремела долина вся,
Заголосили люди во мгле,
Покатился гром по земле.
Пламя било, звенела медь,
В полный голос ревела смерть,
Всех охватывал ужас—смерть!
Пули летели из ружей—смерть!
Кони ржали, сшибались—смерть!
Люди с сёдел срывались—смерть!
Вверх секиры взлетали—смерть!
Пики в грудь попадали—смерть!
Били чокморы в темя—смерть!
Люди падали в темень—смерть!
Битву ночную встречал рассвет,
Солнце взглянуло во все концы,
Видит: в долине кровавый след,
В небеса глядят мертвецы,
За валунами впокат лежат
Труссы, в землю уставив взгляд.

В погоне за Чал-Калмаком войско Табылды далеко ушло от родных кочевий. Не получая известий о жизни своего народа, Табылды решил послать домой Эрмека с двумя джигитами.

„Двух джигитов бери, Эрмек,
Поезжай ты с ними домой.
Поезжай, душа-человек,
Поезжай, батыр золотой;
Походи по родным местам,
Посмотри, как живёт народ,
Всё ли благополучно там,
Затянулся, скажи, поход,
Задержались... Прибудем все...
Побывай у родных, у друзей,
Всё, как следует, объясни,
Мысли грустные их рассеи,
Не тревожатся пусть они,
Передай приветы от нас,
Привези их слова без прикрас,
Правду истинную привези—
Про жизнь народа рассказ.
Поезжай, Эрмек, поезжай,
Пули, порох с собой бери,
По дороге не оплошай,
Путь опасен—кругом смотри.
Перевалы кой-где в снегах,
Пики горные в ледниках;
Помни, пропасти смертью грозят
Путешественнику в горах.
Помни, может вражий дозор
Подстеречь тебя среди гор.
Пусть счастливыми длятся дни!
По пути на Балгарт загляни,
Побывай на его берегах
И на пастбищах побывай,
Есть ли кони там на лугах,
Я прошу тебя, разузнай.
Наши люди должны быть там,
Все ли живы, здоровы там,
Может, нет уже ни души...
Я прошу тебя, разузнай.
На перевале Кара-Тепши
Что не ладно, ты примечай.
В Кара-Сазе пасётся скот,
И его нельзя обойти,
Много ль там лошадей, сочти.

Как сочтёшь, поезжай вперёд.
Не скачи по ровным местам,
Не показывайся врагам...
Почему с Нарына никто
Не приехал на помощь нам,
Я прошу тебя, разузнай.
Может, наши айлы враги
Окружили, подняв мечи.
Ты, разведывая, скачи.
Скоро нечем будет стрелять,
Скоро нечего будет есть,
Отвези Усте эту весть,
Должен дельный совет он дать.
Собери киргизов на сход,
В чём нуждаемся, объясни.
Войско пусть готовят они,
Пусть сюда оно к нам придёт.

Помни: враг таится вблизи.
Обойти его ухитрись,
Не задерживаясь вернись.
Пули, порох нам привези,
Приведи скакунов для езды,
Для убоя доставь кобылиц.
Чтоб не видел никто, кроме птиц! —
Так напутствовал Табылды,
Провожая Эрмека в путь.
На прощанье друзья обнялись —
И три всадника понеслись.

После ранения Чал-Калмак укрылся в горной пещере, пробил в ней отверстие для стрельбы и обозрения местности и стал ожидать подходящего момента для расплаты с Табылды.

Жажда мщения не давала ему покоя. Он решил заманить Табылды в ловушку. Для этой цели он стал ежедневно посылать к лагерю Табылды по сто человек, которые завязывали перестрелку. Табылды каждый раз бросался со своими воинами на калмыков. Те отступали к пещере, и Чал-Калмак стрелял из ружья „Сыр-Баранг“ в киргиз-

ского батыра, но пули пролетали мимо. А калмыки погибали от сабель, пик и стрельбы киргизов. Так продолжалось семь дней.

На восьмой день, ожесточённые ежедневными потерями, калмыки сказали: „Наши умирают ежедневно по сто человек, и всё из-за Табылды. Не лучше ли поехать всем сразу и уничтожить его“. И они поехали.

Табылды, видя, что враги окружили его лагерь, обратился к своей дружине.

„Сорок витязей дорогих,
Поглядите зорко вокруг,
Навострите свой чуткий слух.
Вон калмыки! Видите их?
Мы врагами окружены,
Как ни били мы их, опять
Подступили смерти искать,
Всем, чем можно, вооружены.
Сколько их—сосчитать нельзя,
Понукают коней, грозя,
Пики выставили вперёд,
Их число растёт и растёт.
Окружив, хотят изнурить
И на грудь земли положить,
Положить хотят нас навек...
Тяжело будет нам, тяжело;
Не приехал ещё Эрмек,
Войско наше не подошло.
Подготовьтесь к битве, друзья,
Надевайте кольчуги, друзья,
Прочитайте молитвы, друзья,
Подтяните подпруги, друзья!
На четыре вам стороны
Разъезжаться, врага встречать,
Будто ястребы с вышины,
Яро будете нападать.
Вот не знаю, где скрылся Чал,
Чую, в скалах ближних залёг.
Я добыю тебя, старый бахвал,
Час последний твой недалёк.

Леопарды мои, моя рать,
Надо этого волка поймать,
Коль проведаете, где он,
Мне немедленно дайте знать.
Леопарды мои, сейчас
Или мы на краю могил,
Иль победа в крови ждёт нас“,
Табылды-герой говорил.
Одобряя вождя призыв,
Чуя сил могучих прилив,
Приготовились богатыри.
Красный отсвет большой зари
На их скулах крутых сиял,
И зубов их сверкал оскал.
Кони—голова к голове,
Пика к пике, как частокол,
Коршун к коршуну в синеве,
И на дальней скале козёл.
Широка долина в цветах,
Оглашённая пеньем птах,
По расселине с гор летит
Ледяная вода, шумит.
Зеленеет вдали лесок.
Тихий благостный уголок,
Окружённый грядями гор,
Их достичь может только взор.

И торжественно помолясь,
Сели в сёдла джигиты враз,
И слышался клич: „Ман-а-ас!“,
И раздался оружия лязг.
Четверть рати мчалась на юг,
Захватило от скачки дух;
Четверть—к северу понеслась,
Только пыль клубами взвилась;
Четверть—ринулась на восток,
Перелетая поток;
Четверть—к западу, мимо скал,
Где в пещере таился Чал.

Проносились через луга,
Перелетали большие рвы,

И киргизы, грозны, как львы,
Скоро врезались в строй врага;
Не нарушая своих рядов,
Нападали они с боков,
Будто крыльями охватив,
Уничтожали врагов.
Гоном гнали своих коней,
Поднимались они на дыбы,
Выгибались спины коней,
И качался дым от пальбы.
Нападал за киргизом киргиз,
Нанося удары плеча,
Обрывались калмыки вниз
Под копыта, истошно крича;
Разрубали их сабли вкось;
Пробивали их пики насквозь
И распарывали животы.
Пики ломались напополам,
Били секиры по головам,
Страшным звоном звенели щиты.
В дикий рёв слились голоса,
Пыль столбами шла в небеса,
Смерть металась, людей кося,
Брызги крови на всём, как роса:
На доспехах и на щитах,
На оружье, на поясах.
На конях скакала гроза,
Кони не уставали ржать,
И калмыки, закрыв глаза,
Оставались навек лежать,
Трое суток бой клокотал,
На земле раздавался стон,
Кто побоище это видал,
Тот до смерти был удивлён
Невыразимой мощью его.
Вот каков знаменитый бой!
Слышали днём и ночью его—
Предание таково!

И бежали калмыки вспять,
Устремлялись за отрог,

К ближним скалам, где Чал залёг,
Где поток ущелье пробил,
Из долины там выход был.
Устремлялись калмыки вспять
И возвращались опять,
Будто злобный дракон их гнал
В круг побоища умирать.
Чал в пещере сидел и ждал
Приближения Табылды...
О позоре напоминал
Вырванный клочок бороды.
Видал остервеневший Чал,
Как редуют калмыков ряды,
Как бегут они, видал Чал,
Слышал, как стенают от ран,
И он выстрелом их встречал
Из ружья своего „Сыр-Баранг“.
Он безжалостно наповал
Одного из своих убивал,
А другие назад скорей
Поворачивали коней.
Не один раз случалось так,
Как приманку их слал Чал-Калмак,
Он готов был всех погубить,
Только бы Табылды убить!

А киргизский батыр, устав,
Отдохнуть чуть-чуть захотел,
Митом спешился, величав,
Ноги вытянув, вольно сел.
Но сейчас же вражий отряд
С гиком выскочил из-за скал,
Первый всадник бунчук вздымал.
Человек, зная, сто шестьдесят
Вздумали Табылды окружить,
Чала внимание заслужить.
Поскакали стремглав к нему,
Отдыхавшему одному.

Табылды отплюнулся зло
И немедля вскочил в седло,

Поднял саблю над головой.
И тогда калмыки, хитря,
Растревожив богатыря,
Повернулись к нему спиной.
Не принимая боя, назад
Поскакал калмыцкий отряд.
Он подумал: „Манёвр не к добру“.
Их побег в нём ярость разжёл,
Сделал конь могучий прыжок
И отряд мгновенно настиг.
Табылды уложил троих,
За три взмаха их зарубил,
От плеча до паха рубил.
Обуял убежавших страх,
Табылды помчался вдогон,
Приподнявшись на стремянах,
Снёс четвертому голову он.
В этот миг и выстрелил Чал,
„Сыр-Баранг“ ударил, как гром.
Табылды едва не упал,
Затуманилось всё кругом,
Опустилась с клинком рука,
Закачались облака,
Зашаталась земля, поплыла,
Налилось тело свинцом,
Взгляд застлала красная мгла;
Ухватясь за луку седла,
К потной гриве припал лицом.

Ухмыльнулся коварный Чал,
Понял, что в Табылды попал.
Он недаром в то место бил,
Куда панцирь не доходил,
Он в ту точку ружьё навёл,
Где кольчуги кончался подол.
В ногу пулей он угодил,
Он колено ему разбил.
Табылды очнулся, вздохнул,
Струйка крови текла в сапог.
Он тяжёлую боль превозмог,
Скакуна камчою стегнул,
В гущу боя рванулся вновь.

Из колена бежала кровь,
Но герой-батыр, вгорячах,
Разъярённый, не замечал,
Он погони не прекращал,
На калмыках злость вымещал,
Он рубил и топтал их впрах,
Он по ним открывал стрельбу.
И бежали калмыки в горах,
И кричали: „Жобу! Жобу!“
К Ала-Тоо недругов гнал,
Дальше, дальше—на перевал;
Увлечённый, он не слышал,
Как Эльдияр его догонял
На стремительном Кер-Табылги,
На удивительном Кер-Табылги,
На иноходце Кер-Табылги;
Обжимал бока, понукал:
„Шибче, шибче беги, беги!“
Подскакал Эльдияр к нему.
„Табылды, Табылды, постой!
Гнать опасно их одному...
Табылды, мой друг, что с тобой?“ —
Он за повод Арча-Тору
Ухватился, остановил.
„Что с тобою—не разберу?
Табылды, да ты ранен, друг!“
Эльдияр с коня соскочил,
Захватила тревога дух.
Табылды, шатаясь, сидел,
Неизвестно куда глядел,
Губы ссохлись и пот блестел
На высоком бледном челе,
На щеках румянец горел.
Он сознание потерял.
Эльдияр с коня его снял,
На руках до речки донёс,
Положил на тёплый песок
В тень согбенных и хилых лоз,
Снял с него кольчугу, олпок,
Снял и панцирь и самострел,
Рану бережно осмотрел,
Рану нежно омыл водой

И подумал: „Какой молодой!
Ты, любимец наш, ещё юн,
Ты беспечен и резв, как стригун...“ —
Эльдияр покачал головой
И достал кантемир огун,
Рану смазал лекарством он
И кадеком забинтовал.
Открывая глаза, батыр
Вдруг мучительный стон издал.
Захотелось батыру пить,
Попросил чалапа налить.

Бой вдали уже затихал,
Чал-Калмак домой поскакал.
И остатки войска его
Убегали за перевал.
И съезжались со всех концов
Сорок доблестных храбрецов,
После битвы, в крови, в пыли,
Лошадей трофейных вели,
И узнав, что несчастье стряслось
С их любимым богатырём,
Не скрывали горючих слёз,
Вытирали их кулаком;
Обступали друзья Табылды.
Горевали друзья Табылды.
Он на белом лежал потнике
Под карагачом, в холодке,
Боль жестоко колено жгла,
Боль томила, по телу шла,
Разливался по жилам зной,
Опухоль на ноге росла,
И казалась ему она
То с лежащего скакуна,
То вдруг с гору величиной.

Табылды три дня и три ночи спал. Рана его заживала. Проснувшись, он поднял голову. В это время Эльдияр с четырьмя джигитами пригнал шестьдесят трофейных лошадей и снимал с них поклажу: всевозможное оружие и доспехи.

„Я ездил к озеру, до самого Оргочора. Калмыков—ни души. Мёртвые остались, живые бежали,“—сказал Эльдияр.

Табылды попросил дружину расположиться вокруг него.

„Поздравляю, богатыри,
Поздравляю с победой вас!
Поздравляю с конями вас!
Эльдияр, коней затаври.
Сколько было калмыков? Тьма!
Где они? Уничтожили мы.
Были в сёдлах, видели вы.
Где они? На земле мертвы!
Покорить захотели нас,
Поработить захотели нас,
Целый век не забыть им нас,
Не покажут киргизам глаз.
Мы топтали врагов, как сугроб,
Не могли свой народ предать,
И, пока не хлынет потоп,
В сказках будут нас вспоминать.
Леопарды мои, друзья,
Что я значу без вас один,
Я, как вы, земли нашей сын,
Приросла к ней судьба моя.
О земля, Атбаши и Нарын,
Щедрость высокогорных долин!
Леопарды мои, без вас
Всего-навсего я юнец,
Не трудите слезами глаз,
Рана, думаю, не конец.
Скоро я поправлюсь, бог даст;
Лекарей нет в дружине у нас.
Где придётся лечиться мне?
Может быть, поехать в Талас?
Знаменитый есть лекарь там,
Ясновидец Калпа-Дуванá.
Он на рану положит бальзам,
Заживёт, злодейка, она.
Говорят, он давным-давно
Мавзолеей Манаса хранит,

Что прозренье ему дано,
Этим лекарь и знаменит.
Говорят, что анахорет
На земле прожил двести лет,
Он, как древний Тянь-Шань, седой,
Врачеванья тайны постиг,
Худ, в морщинах и жёлтолик,
И от раны от пулевой
Непременно избавит старик.
Я прибуду к нему в Талас
С искалеченною ногой...
Леопарды, прошу я вас,
Поезжайте теперь домой.
Нами выиграна война—
И забота теперь одна:
Охранять киргизский народ,
В удовольствии пусть живёт.
Чем себя нам втапывать в прах,
Не приятней ли петь на пирах.
Одолженье душе моей
Сделайте, сорок богатырей,
Возвращайтесь домой—пора
К очагам дорогих семей.
Как война ни храбра,
Как война ни хитра,
Жизнь всегда, говорю, мудрей,
Жизнь всегда, говорю, щедрей
И величественней войны,
К жизни души обращены.
До свиданья, мои друзья!
Зарубцуется рана моя,
Рассосётся немоть в ноге,
И мы встретимся на байге“.

Сорок джигитов и другие воины-киргизы крепко пожали руки Табылды и Эльдияру и отправились домой, захватив четыреста девяносто трофейных коней. А Табылды и Эльдияр навьючили на двух лошадей продовольствие, вещи и поехали в Талас, к мавзолею Манаса. У мавзолея, когда они прибыли, к ним подошёл древний белобородый старик.

„Юноши едут издалека.
Вижу я: езда нелегка,
На конях, на одежде следы
Очень длительного пути,
Утомительного пути.
Уж не ты ль, храбрец-Табылды,
Эрманкана доблестный сын,
Прибыл к Манасу-богатырю?
Сын земли Атбаши и Нарын,
Правильно ли я говорю?
Зная, что у священных стен
Здесь живёт два века эшен,
Не для потехи, орлёнок мой,
Ты приехал, орлёнок мой,
Помолиться, орлёнок мой,
Излечиться, орлёнок мой?

В бренности долгого бытия
Не померкла память моя;
Здесь отца твоего встречал;
Шестьдесят ему было лет,
Муж почтенный дороден, сед,
Сердце к Манасу он обращал.
Я советы ему давал,
Душу скорбную врачевал.
И под звёздным небом в тиши
У мазаров он ночевал,
У аллаха сына просил,
Землю тут слезой оросил.
Он молился и день и ночь,
В самозабвении пребывал,
И создатель ему даровал,
Говорят, и сына и дочь.

Любит сына его народ,
Сын его — киргизов оплот,
Он для них и копьё, и щит,
Он за них горою встаёт.
Он собрал джигитов отряд,
Сорок всадников боевых,
Богатырь расцвета достиг
На удивление, говорят.

Славен он, кругом говорят,
Бился он с врагом, говорят,
Враг разгромлен им, говорят,
Был нещадно гоним, говорят,
И калмыков-задир, говорят,
На перевале крутом, говорят,
Добивали потом, говорят,
Слышал бой весь мир, говорят,
Но в сражение том, говорят,
Ранен в ногу батыр, говорят,
Ранен он стариком, говорят,
Захромал Табылды оттого,
Боль пронизывает его.
Вот какие вести теперь
Слуха касаются моего.
Дорог твой, Табылды, приезд
В лоно этих священных мест.
Вы сойдите, дети, с коней,
Привяжите, дети, коней,
Рад помочь вам в беде любой,
Рад заботиться, как отец", —
Так приветствовал их седой
Наистарейший мудрец.
Эльдияр Табылды помог
Осторожно с лошади слезть,
Отряхнуть пыль седых дорог.

Путники остановились у двухсотлетнего аксакала. Дувана осмотрел ногу Табылды, вытащил пулю, смазал и забинтовал рану. Табылды начал постепенно выздоравливать и ходить, опираясь на палку.

Через двадцать дней нетерпеливый батыр сказал: „Нам нужно ехать, Дувана. Разреши“.

Дувана ответил: „Ещё с месяц надо бы полежать. Пятьдесят дней ты должен лечиться.“

Табылды не послушал его. Он подарил Дуване коня, отдал ему золото и серебро и сказал: „Благослови нас“.

Дувана не стал перечить батыру: „Что ж, сы-

нок, воля твоя, езжай. Но помни: в дороге тебе, наверно, станет плохо“.

И, благословив, он проводил батыров.

Два друга поехали сначала вдоль реки Талас, потом одолели перевал Шумкар-Таш, миновали Уч-Кошой, перебрались через хребет Ала-бел Ольмок, пересекли луга долины Сусамыр, обогнули Сон-Куль и наконец достигли Нарына.

После такого трудного и длительного путешествия нога у Табылды снова опухла и мучительно беспокоила.

Добравшись до родных мест, Табылды и Эльдияр не обнаружили своего аила, а на месте, где стояла юрта Табылды, высился только каменный столб. На верху столба они заметили какой-то кожаный узелок, перевязанный прядкой волос. Они достали его и обнаружили в нём письмо.

Вот что они прочитали:

„Эрманкана сын, Табылды,
Мой родной единственный брат,
Если жив-здоров будешь ты,
То прочти письмо-аманат.
За Чал-Калмаком погнался, брат,
И не возвратился назад...
А на нас жестоко напал
Абаке наш Кудайназар,
Он верблюдов и скот забрал,
Он и нас забрал, как товар,
И народ под власть свою взял,
Он народ насильно погнал
В неизвестные всем места...
Власть и месть—его правота.
И мы все, и батыр Уста
Говорили ему не раз:
„Надо бы Табылды обождать“.
Он махал нам камчой; „Молчать!
Слушать я не желаю вас!“

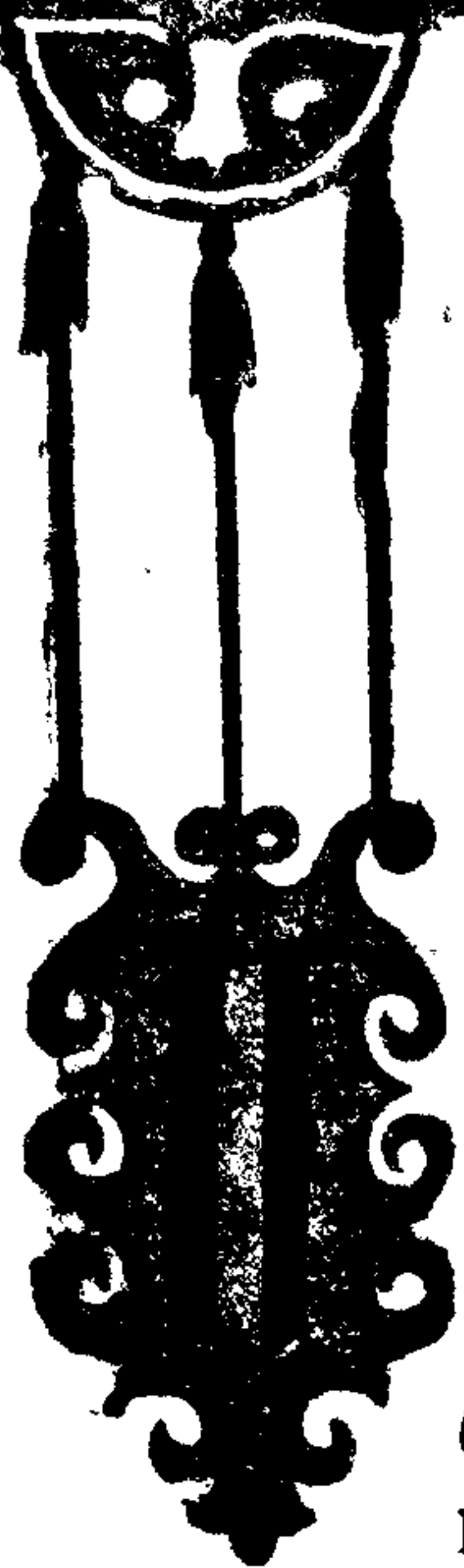
Я, твоя сестра Кардыгач,
Я, брат, выплакала глаза,
Сотрясает мне душу плач,

Выжигает глаза слеза.
Камень горя в сердце ношу,
Но пощады я не прошу,
Ночью, не осушая глаз,
В суматохе тебе пишу,
В час, когда угоняют нас,
Тайно переселяют нас.
Ах, куда угоняют нас
В этот страшный полночный час?
Знать, мы от смерти на волоске,
Кто защитит нас теперь, абаке?
Как мы нуждаемся в твоей руке,
А рука с мечом вдалеке...
Коль прочтёшь посланье моё,
В нём увидишь страданье моё.
Где ты, сердечный мой абаке?
Приезжай, брат, родных искать,
Наша жизнь, как в яме, плоха:
В край чужой едет с горем мать,
Поневоле едет сноха,
Дорогая жена твоя,
Плачет сын твой, малыш Шаимбет,
Убивается вся семья.
Ясный белый затмился свет,
Терпит гнёт киргизский народ,
Табылды в нетерпенье ждёт,
Говорит: „Опоздал Табылды,
Потерялись его следы...“
А я верю: придёт пора—
И увидит брата сестра;
Целовала б у ног твоих пыль,
У сыромятных сапог твоих пыль,
Только б видеть тебя живым
С богатырским войском твоим.

Где твои следы замело?
Потеряли мы жизни тепло.
Старший брат наш Кудайназар
Обращается с нами зло.
Что же нам суждено теперь?
Нам узнать не дано теперь.
Гонит всех нас беда теперь,

Неизвестно куда теперь...
Косу отрезала я одну
И в неё письмо заверну..."

Табылды письмо прочитал,
От такой беды застонал,
Обессиленный, он упал
И щекою к земле припал,
Сжал рукой ружьё-самопал
И зубами заскрежетал.
Чем качаться больным в седле,
Лучше выздороветь на земле,
Сил набраться и отдохнуть.
„Ну, мой верный товарищ, в путь!“

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

риехав в Кара-Таш, Эльдияр и Табылды остановились у мазара. Табылды сразу же лёг возле источника и опустил в него больную ногу. Эльдияр решил ознакомиться с местностью, он добрался верхом до Калмыкского перевала и в подзорную трубу осмотрел округу. Он ничего подозрительного не обнаружил и вернулся к Табылды.

Дни потянулись за днями. Каждое утро Эльдияр уезжал на охоту и привозил или архаров, или эликов, готовил для друга еду и перевязывал его ногу.

На тринадцатый день лежавший у источника Табылды сказал: „Дорогой друг Эльдияр, поезжай к подножью Кара-Таша. Там, напротив ели, под высокой скалой, моей матерью спрятан ханский запас: мешок курута, карын с топлёным маслом и творогом. Привези всё это. Знаешь, я люблю мясо архара, оно вкусно; попробуй застрелить одного и тоже привези“.

Эльдияр оседлал Кер-Табылги, взял ружьё и поехал. Он действительно нашёл под скалой ханский запас, приторочил его к седлу и на обратном пути, в горах Кок-Ала, убил тёмно-серого ар-

хара. „Это будет хорошим лекарством для Табылды“, — подумал он.

Оставшись один, Табылды не мог лежать без дела. Несмотря на болезнь, он, хромым, встал, вымыл своего коня Арча-Тору и расчесал ему хвост и гриву.

Эльдияр возвратился перед закатом солнца. Мясо архара положили вариться в котёл. Костёр горел. Табылды говорил:

„Эльдияр, я печалью объят,
Надо, видно, ехать назад.
Увлёклись погоней мы,
А сейчас, как спросонья, мы,
В этом долгом походе мы
О народе забыли мы.
Что за страшный над нами рок!
Не считаешь потерь...
Ни один не скажет пророк,
Что с народом стало теперь.
От Эрмека известий нет,
Помутился разума свет.
Жив ли мой единственный сын,
Незабываемый Шаимбет?
За напастью напасть
Привязались крепко ко мне...
Я сумею ли выжить, не пасть
Без народа в чужой стороне?
Распухает нога опять,
Пронизал её болью жар...
Плачь не плачь, а надо вставать!
Помоги мне сесть, Эльдияр,
Подержи-ка стремя, мой друг,
Вдоль Нарына поедем, друг,
За короткое время, друг,
В Кара-Таше мы будем, друг.
Если верить, друг, старикам,
Есть священное место там,
Где каип обитает сам.
Два-три дня отдохнём мы там,

У мазара я постою,
Ногу раненую свою
Опущу в священный исток,
Подержу её в чёрной воде.
Мне каип поможет в беде,
Исцеленья день недалёк.
Дорогой Эльдияр, а потом
По следам народа пойдём.
Если сразу не исцелюсь,
Поживём там ещё, подождём...
Эльдияр, послушай меня,
Не заживает нога моя,
Боль сильнее день ото дня,
Распухает уже ступня...
Понимаешь, тревожусь я.
Надо рану мою лечить,
Чтоб у края могилы не быть...
Ты садись, Эльдияр, на коня.
День и ночь придётся скакать,
След народа в горах искать.
Разыщи мою бедную мать
И скажи ей, что сын Табылды
На дороге в подземный ад,
Что могу не вернуться назад
Из-за могильной плиты...
Пусть лекарство с тобой прийдёт,
Что болезнь мою пресечёт,
Что к народу меня вернёт,
Только мать от смерти спасёт,
Искоренит мой недуг.
Собирайся в дорогу, друг,
Передай ей горячий привет,
Мой сыновний низкий поклон.
Не приглашай никого на совет,
Не отвечай: „Тяжко болен он“;
Не рассказывай обо мне,
Что со мной, в какой стороне...
Об одиноком, о сироте
До поры не знают пускай...
Ты отцу своему, Усте,
От меня привет передай,
А ещё привет Чачикей,

Сердобольной жене моей,
Приостанови её плач,
Расскажи, что жив; ободри.
А ещё привет Кардыгач,
За письмо её поблагодари.
А ещё привет народу всему,
Смуглолицему моему,
И скажи: на Арча-Тору
Скоро я прискачу к нему.
Коль Эрмека увидишь ты,
Поругай его один раз
И скажи: „Мол, ждёт Табылды,
А Эрмек и не кажет глаз“.
А ещё привет передай
Сорока леопардам моим,
Что опорой мне были всегда;
Я весьма благодарен им.
У источников, средь луговин,
Я на время останусь один.
Ожидать тебя буду тут
Под арчою в тени ветвей.
Есть в запасе масло, курут,
Хватит пищи мне на семь дней.
Попрошу тебя об одном:
Прежде чем вскочить на коня,
Привяжи ты Арча-Тору,
Чтоб ходил он вокруг меня
На аркане волосяном,
Чтобы мог подходить к воде...
Не задерживайся нигде,
У меня на семь дней еды,
А иначе твой друг Табылды
Перейдёт, страдая, в тот свет,
В тот, откуда возврата нет“.

Облокотясь на камень, как мог,
Ногу вытянул юноша, смолк,
На грудь свесилась голова...
Шелестела тихо трава,
Клин гусиный в небе проплыл,
Низко, низко дыханье крыл...

Возбуждённый, Эр Тыбылды
В изнеможеньи глаза закрыл.

Видя друга таким больным,
Еле сдерживая слезу,
Эльдияр наклонился над ним
И подумал „Клянусь—спасу!“
И сказал, подавляя вздох:
„Не коснётся души твоей тлен,
Да поможет тебе Кайберен,
Сохранит всемогущий бог!
Обязательно я вернусь,
Дорогой мой, приободришь,
В жизни снова взлетишь ты ввысь,
Как взлетает с озера гусь“.

Эльдияр ехал день и ночь, пересёк горные рё-
ки, перевалил через Чон-Кок-Арт и спустился с
горного хребта в сторону Андижана к Ондуру.
Едет он по цветущему джайлоо и видит движу-
щуюся отару овец и вслед за ней на чёрном быке
человеческую фигуру в кементе.

То ли это мужчина, то ли женщина — не
разберёшь. Было ясно одно: на быке сидел пастух,
он пел и плакал.

„Я под сердцем носила тебя
Девять месяцев, мой родной,
Материнская сила тебя
Создала, соколёнок мой,
Я потом пеленала тебя
Девять месяцев, кровный мой,
Я кормила, бывало, тебя,
Грудь давала, мой дорогой.
И ты рос скуласт, коренаст.
А когда болел, то подчас
До заката Большой Медведицы
Над тобой не смыкала глаз.
И, пока на ножки не встал
И пока ты в седло не сел,
Мне казалось, ты очень мал,
Жеребёнок мой мало спал!

Верблюжонок мало поел,
Мой цыплёнок милый озяб,
Соколёнок любимый ослаб.
Стала жизнь, как поднятый кнут,
Длится тягость слёзных минут,
И несчастной старухой меня
Люди жалостливые зовут.
Мне осталось только терпеть,
Поминальные песни петь,
Чем рыдать над тобой нараспев,
Лучше б раньше мне умереть.
Жеребёнок любимый мой,
Верблюжонок красивый мой,
Громким голосом закричи,
Возвращайся скорей домой!
Вся истлела одежда моя,
Улетела надежда моя.
Не шелка и не ситцы на мне,
Пытка злой власяницы на мне,
И теперь овечий закут—
До конца дней моё жильё,
Потеряла я имя своё,
Старой ведьмой теперь зовут.
Кнут несчастья жесток и лих,
Сына нет, кличу смертный миг,
А умереть не хочу,
А умереть не могу,
Счастье, может быть, ворочу
К нашему очагу,
Потому что остался внук,
Сын твой, маленький Шаимбет,
Луч надежды и корень мук...
Если в мире тебя уж нет,
Есть твой сын несмышлёных лет,
Кровь моя, мой потомок, внук".
И, рыдая, упал пастух,
И, стеная, упал пастух
Наземь возле копыт быка.
Долго, долго лежал пастух,
Глядя в небо на облака,
Чёрный камень, что мёртв и глух,
Обнимала его рука.

Из-за веток карагача
На него смотрел Эльдияр.
„Это мать Табылды—Агача,—
Про себя сказал Эльдияр.—
Я ещё к ней сюда вернусь.
Дальше, конь мой, вперёд, вперёд!
Месть нужна, а не слёзы и грусть,
Дальше, конь мой, время не ждёт“.

Эльдияр поскакал дальше. Вдруг видит: идёт девушка, волосы у неё распущены, шея тонкая, как у журавля, ноги слабые, еле передвигаются, как у вороны. Идёт девушка, гонит перед собой тёмно-серых ягнят и поёт. Эльдияр остановил лошадь и прислушался к её печальному напеву.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

„Ты моя мята на берегу,
Ты мой бушующий водопад,
Вечно в сердце я берегу.
Берегу тебя, храбрый брат.
Я печалюсь: сокол, ты где?
Обращаюсь, как к дальней звезде.
На пригорке, где эха звук,
Ты единственным рос в гнезде,
На пригорке, где мох, как пух,
Ты единственным рос в гнезде.
Как подумать, что мёртв герой,
Коль его нет в земле сырой,
Как подумать, что он живёт,
Коль не видит его народ.
Но надежда, как уголёк,
Тихо тлеет в душе моей.
Верю, верю, наступит срок,
Сбросят горе с души моей.
Я ль не птицей вольной была,
Я ль в гнезде своём не спала?
Под материнским тёплым крылом
Забывалась я детским сном,
Под широким братским крылом
Бурь бояться я не могла.

Где ты, брат мой, наш сокол, где?
Обращаюсь, как к дальней звезде,
Разорили наше гнездо,
Будто в клетке, живу в нужде.
Уж не спал ли снег на горах?
Это видится не беда ль?
Птица чёрная в небесах—
Не моя ли летит печаль?
Правый мой саамай был мал,
Левый мой саамай не дорос
В день, когда Табылды ускакал,
В день, когда его конь унёс.
Я одевалась в шелка тогда,
А теперь навалилась беда...
Есть ли кто несчастней меня?
Я у калмыков пасу ягнят,
Стала пастушкой я у врагов,
Тонкие ноги мои болят,
В моих песнях нет светлых слов.
Брат мой, храбрый тигр Табылды,
На судьбу мою погляди,
Оскорбленья врагов остры,
От издёвки в глазах темно,
Молодое сердце сестры
Вглубь страданья погружено!
Буду ждать тебя, буду ждать,
Буду месяц ещё рабой,
Коль дадут о гибели знать,
О несчастье, мой брат, с тобой,
Значит, вслед поспешит сестра:
Или в омуте утоплюсь,
Или в ад со скалы сорвусь,
Или пламенем обовьюсь
Разгоревшегося костра.

Так и пела от неудач,
Подгоняя к лугу ягнят,
Смуглолицая Кардыгач,
Еле двигаясь наугад.
Но, заслышав копыта стук,
Повернулась к дороге вдруг.
„Это кто?—промолвила вслух,—

Нет, не брат, человек чужой".
И пошла по траве через луг
Подниматься стала на склон,
Повторяя: „Где он, где он?“,

Эльдияр к ней подъехать хотел,
Передать от брата привет.
Оглянулся—и не посмел.
На верблюжьем горбу горы
Он заметил вдали силуэт...
С одного из горбов горы
На него, видно, всадник глядел.
Он подумал: „За мной следят.
Осторожнее надо быть.
Я заеду домой, к отцу,
Надо новости раздобыть.
Ох, неладное что-то здесь...
Привезу я плохую весть.
Знать, калмыки на наш народ,
Будто петлю, накинули месть“.

И пришпорил коня Эльдияр,
Мимо девушки проскакал,
Обогнул стороной крутояр,
В дымке пыли сгинул, пропал...
Он проехал одну версту,
Он проехал ещё пять вёрст,
Конь вытягивался на лету,
Седока, словно ветер, нёс.
Всадник мчался—не отдыхал,
По кремнистой земле стучал,
По ущельям во мгле пролетал,
Сквозь ворота нависших скал,
Пригибаясь чуть, проскакал.
На равнину выехал он,
В облаках над ним небосклон,
Слева речка в лугу журчит,
Справа лес листвою шелестит,
Справа тополь срублен лежит,
Мирно жвачку жуя, стоит
Чёрный бык под вьючным седлом,
Молодуха на пне сидит,

Разговаривает с быком,
Вытирает слёзы платком,
Причитает о дорогом,
Вот её, как полынь, слова:
„Не жена я и не вдова,
Одинокая голова...
Жду, когда ты придёшь домой...
Где же ты, единственный мой?
Мы садились в гнездо одно,
На двоих было счастье дано,
А пришлось горевать одной...
Довелось вековать одной...
Где же ты, единственный мой?

Собирался на Чала идти,
Собирался идти войной,
Стала я на твоём пути,
Умоляла в поход не идти,—
Не послушал, единственный мой.
А Кудайназар на аил
Налетел, народ захватил,
Над твоей насмеялся семьёй...
Где же ты, единственный мой?
Я—жена твоя Чачикей,
Мой единственный, жду вестей.
Мнится: горю исхода нет...
В дни, когда мне затмили свет,
Почему, чтоб врагов покарать,
Наш двухлетний сын Шаимбет
Сразу взрослым не может стать?
Без отца теперь Шаимбет,
Ты оставил его сиротой,
Разлучили его со мной.
Если жив—нас избавь от бед,
Приезжай, единственный мой,
Приезжай, прискачи скорей
К Шаимбету и Чачикей.
Ты—моя звезда в высоте,
Ты—мой сокол, летящий к звезде,
Ты—души моей ясный рассвет,
Ты—ограда моя от бед,
Ты—всесильный, любимый хан,

Неустршимый султан,
Ты—батыр мой, народа оплот,
Ожидает тебя народ,
Весть не знает куда подать.
Ты теперь у него в долгу,
Разве можешь оставить народ,
На издевку отдать врагу?
Вся душа моя—это боль,
Душу жжёт мою горя соль,
Я хочу, хочу умереть,
А умереть не могу,
Потому что мал Шаимбет,
Твой росток, твоей жизни след...“

Чачикей собрала дрова
И навьючила на быка,
Пошевеливаясь едва,
Напилася из родника.
Погнала по тропе быка,
Хворостинку держала рука,
С хворостинкой дрожала рука.
Скорбь красавицы велика.
Оплела Чачикей нищета,
Обвела глаза чернота,
Кементай на ней неуклюж,
Набок сдвинулся элечек.
„Где мой, думала, человек,
Табылды, мой ласковый муж?
Неизвестно куда попал,
Неужель навсегда пропал...
Но остался сын Шаимбет,
Как во тьме тонюсенький свет,
Мой последний солнечный луч,
И тебя отнял жалкий враг,
Будто снег из холодных туч,
Обдаёт моё сердце страх.
Шаимбет, жеребёнок мой,
Шаимбет, верблюжонок мой,
Где сейчас ты и что с тобой,
Шаимбет, соколёнок мой?
Нет с тобой твоего отца,
Табылды-храбреца,

Нет с тобою родной твоей,
Ласковой матери Чачикей,
У калмыков в неволе ты,
И с рассвета до темноты,
Как отверженного, не любя,
Бьют их дети, мой сын, тебя,
Ты обижен, цыплёнок мой,
Ты унижен, ребёнок мой,
Не к кому голову приклонить.
Что мне делать и как мне быть?
Алтыбай пристаёт ко мне,
Он жениться хочет на мне,
Чем женой в его юрту войти,
Лучше в речке лежать на дне.
Алтыбай угрожает, браня,
Об одном долбит, об одном:
„Если выйдешь ты за меня,
Шаимбет не будет рабом“.
От Кенжебая проходу нет,
Просит: „Дай хороший ответ.
Если ты за меня пойдёшь,
Перестанешь ты горевать,
Хорошо, токол, заживешь,
А не то—обречём страдать,
Счастья век тебе не видать“.
Издевается Алтыбай,
Издевается Кенджебай,
Насмеваются: „Выбирай!
А не выберешь никого,
Так носи всю жизнь кементай“.
Пусть рабыней я буду жить,
Мне тебя, Табылды, не забыть,
Мне женою ничьей не стать—
До могилы тебя буду ждать,
Я, как прежде, тебя люблю
Я все беды перетерплю.
Я дождусь, единственный мой,
Горе в радость перетоплю.

Чачикей оторвалась от думы, подняла голову
и увидела всадника.

Она узнала коня Кер-Табылги и поняла, что перед ней Эльдияр.

Бросила навьюченного дровами быка и подбежала к всаднику. Схватившись за стремя, она вдруг потеряла сознание и упала.

Эльдияр спешился, зачерпнул из ручья пригоршню воды, брызнул в лицо Чачикей—и она пришла в себя. Эльдияр поведал о злоключениях Табылды.

„Не расстраивайся, Чачикей,
Успокойся, слёзы не лей.
Слушай! Будет короткой речь.
Не сломался твой острый меч,
Слух о смерти батыра лжив,
Табылды, наш любимец, жив,
Набирается свежих сил;
И тебе, дорогая аяш,
Он привет передать просил,
Возвратится он скоро, аяш,
Через шесть возвратится дней
Богатырь нестигаемый наш,
Твой единственный, Чачикей.
Он ещё не совсем здоров
И приехать не мог потому,
И не слёзы, не горечь слов,
А лекарство надо ему,
Длился тяжкий военный поход —
Невесёлой судьбы оборот,
Чал-Калмака средь горных скал
Дважды наш батыр настигал,
Ранил пикой врага Табылды,
Потерял калмыка следы,
Убежал тот в полночной мгле,
Крепко враг держался в седле.
В гуще стонов и криков мы
Крепко бились в сраженье мы,
Нанесли пораженье мы,
Разгромили калмыков мы,
Нас удачи вела колея,
Сабель звон, взлёт и треск копья,
Ржанье, выстрелы, стук копыт,
Схватки смертная толчея.

И в последнем победном бою
(Ничего, аяш, не таю),
Неожиданно, как змея,
В ногу пуля ему впилась,
Повредив коленный сустав.
Злополучный свинец извлекли,
И для раны из разных трав
Нужен разных лекарств состав,
Может быть, целебная мазь.
Через шесть дней приедет супруг,
Твой защитник, советник, друг.
И тогда ты, аяш, войдёшь
Подсурмлённая, как на той,
В город счастья золотой,
В золотые ворота войдёшь
Осчастливленной, молодой.
Не придётся тогда тосковать,
Сбросишь волосяной мешок,
Будешь на иноходце скакать,
Одеваться в ласковый шёлк,
Ханом, ханом киргизский народ
Табылды-храбреца назовёт.
Пусть ответят твои уста
Жив, здоров ли старик Уста?
Что с Эрмеком, где ястреб наш,
Где же сорок джигитов, аяш?
И сказала тогда она,
Недоверья к нему полна:
„Эльдияр, ты от друга бежал,
Ты оставил его погибать.
Ты оставил его, шакал,
Буду век тебя проклинять!“
„Почему ты не веришь мне?—
Эльдияр ответил, дрожа,—
Лучше мне сгореть на огне,
Пусть погибнет моя душа,
Если я неправду сказал,
Если я о батыре солгал.
Пусть меня проклянёт земля,
Пусть меня проклянёт звезда,
Пусть меня проклянёт вода,
Если я похож на вралю.“

Пусть меня поразит „Алмабаш“
Срежет голову луч клинка,
Грудь пробьёт мою рог быка,—
Жив он, жив, дорогая аяш!“

Чачикей за повод взялась,
Прислонилась к гриве коня,
Громко всхлипнула, залилась...
„Ты прости, Эльдияр, меня,
Ты прости меня, не гневись,
Я ведь женщина—не дивись,
Велика, тяжела напасть,
Ослепило горе меня,
Над собой потеряла власть,
Обвинила во вздоре тебя;
Я ведь женщина—не разобралась.
Эльдияр дорогой, не сердись,
Я прошу тебя, улыбнись,
Расскажу тебе обо всём:
И о малом и о большом,
О перемене крутой,
Что несносной стала бедой,
Что с народом произошло,
Как горючее горе пришло,
Жив отец твой, мудрый Ёста,
В распоряженье его стада,
Он, несчастный, от жизни устал,
Голова его, правда, седа,
Зато совесть, как снег, чиста.

В дни, когда батыр Табылды
Уходил Чал-Калмаку вдогон,
В дни, когда с джигитами он
Переходил со склона на склон,
Пересекал течение воды,
Постигал значенье беды,
Не щадя ни жизни, ни сил,
На беспомощный наш аил
Вдруг Кудайназар наскочил
С подлой сворой своих сыновей,
Наскочил на киргизских людей.
Он оружием запугал

Тех, кто против него восстал,
А других обманул, подлец.
Заявил: „Табылды далеко,
Он один, без войска, юнец,
Всё равно воронёнку конец,
Чал-Калмак его схватит легко“.
Даже старец Уста, твой отец,
Сокрушённый, поверил тому,
Что разбойник сказал ему:
„Табылды не выпустит Чал,
Не оставит его живым,
Богатырь Табылды пропал,
Не увидимся больше с ним“.

И Кудайназар приказал
Потушить огонь в очагах.
Собирались мы второпях,
Алтыбай народ подгонял,
Он заставил всех перейти
Через реку Большой Нарын,
Запетляли наши пути
По горам, по траве долин,
По ущельям над тьмой глубин.
Перевалили через Кугарт,
Увозя и себя, и скарб
На лошадиных хребтах
И на верблюжьих горбах.
Остановились мы здесь,
Недалёк отсель Андижан.
Катаганских семей тысяч шесть...
Был навязан нам новый хан,
Этот пьяница Алтыбай,
Самозванец и негодяй.
В честь его пир устроен был,
Шестьдесят забили кобыл,
От родимой земли вдали
Неохотно на пир мы шли,
Поневоле Кудайназара
В аксакалы произвели.

Разделились все по родам,
Раскатились по сторонам,

Для кочевья в этих краях
Каждый место искал себе сам.
Лишь одна Табылды семья:
Шаимбет, наш малыш, и я,
И свекровь, и золовка моя,
У калмыков в рабстве сейчас,
Истязают калмыки нас.
Нас лишают еды и жилья,
Угрожают—нам нет житья,
Лишь могилы не видела я,
Лишь в земле не бывала я.
Лоб мой холоден, будто джут,
По лбу градины пота бегут,
Страх пронизывает до пят,
Передо мною калмыки ржут,
Шаимбета, они говорят,
На козлодрание отдадут.
Опоздали мои друзья...
Где же вы, родные края,
Дорогая земля Нарын?
О мой сын Шаимбет, мой сын!..“

Чачикей упала и потеряла сознание. В это время ехали сыновья Кудайназара с охоты, заметили Эльдияра. Схватили его и привезли к хану Алтыбаю.

Хан приказал привести заточённых во рву сорок джигитов Табылды. Их привели и поставили рядом с Эльдияром. Хан насмешливо начал говорить:

„Храбрецы, вами Чал побеждён,
Храбрецы, вас боится он,
Нападавший спесивый Чал
С поля боя домой бежал,
Храбрецы мои, каждый из вас
Равен тысяче рядовых,
Доказали храбрость не раз,
Знаки боя видит мой глаз
На доспехах на боевых.
Все вернулись, нет одного.
Где батыр—Табылды-храбрец?“

Эльдияр, где оставил его?
Эльдияр, ты, кажись, беглец?
Трус ты! Где твой друг? Отвечай! —
Распинался так Алтыбай,—
Что ты можешь нам рассказать,
Силу прибыл свою показать?
Распалаялся хан, поносил,
Супил бровь и глазом косил.

Эльдияр не продумал ответ,
Он принёс ему много бед:
„Мёду нету на языке,
Буду краток я, Алтыке.
О походе известно вам,
Хотя хан и не бился там,
Чашу горечи не испил.
Табылды Чалом ранен был.
Он отправил джигитов домой
И остался только со мной.
Он сказал: „Поедем в Талас,
Там лежит в мавзолее Манас,
Мы поклонимся праху его,
Он, быть может, услышит нас.
Но никто ему не помог:
Ни пророк, ни лекарь, ни бог.
Так болел он месяца два,
Наш батыр, наш голова,
Наконец навсегда уснул.
Благородный святой эшен
В покрывало его завернул.
Шесть ходжо его унесли,
Неизвестно куда унесли...
У меня на душе озноб,
Я объехал почти полземли
И нигде его не нашёл.
Алтыке, ты спокойно живи,
Будь же нрав твой мягким, как шёлк,
Щедрой милостью удиви
Подчинённых своих.
У тебя, наш хан Алтыбай,
Нет соперников никаких,

Распри старые не вспоминай,
Нужно прошлое позабыть“.

Гордость чувствуя, Алтыбай
Эльдияра начал бранить:
„За плохую службу тебя
Надо б заживо похоронить.
Эй, джигиты, свяжите его,
Моему отцу покажите его,
По всему аилу ведите его,
Людям всем покажите его,
А потом накажите его.
Бейте палкой, джигиты, его.
В кандалы обрядите его.
Ну, к народу ведите его!
Объясните народу вы,
Кто такой Эльдияр-беглец,
Сообщите народу вы,
Что погиб Табылды-храбрец.
А иначе я вас опять
Буду в каменном рву держать“.

К ханской юрте пути вели,
Огорчённые люди шли,
Вспоминая богатыря,
Люди шли, не чуя земли.
Возле юрты растёт толпа,
На слова от скорби скупа,
Перед ней в крови, в синяках
Эльдияр стоит у столба.
Переминаются старики,
Женщины всхлипывают: ай-яй...
Видят, как злобно пяля зрачки,
Распинается Алтыбай:
„Умер, умер наш Табылды,
Может, от недостатка еды,
Может, от недостатка воды,
Эльдияр покинул его,
Не помог ему, не помог...
Разве он сообщить не мог
О напасти на Табылды?
Нас он вовремя извести,

Мы смогли б Табылды спасти,
Мы, его родные, друзья,
И отец мой, с братьями я,
Смерть сумели бы отвести,
Табылды домой привезти.
Алтыбай ружьё с себя снял,
„Застрелю раба!—заорал,—
Эльдияр от друга бежал,
Клятву верности не сдержал.
Смерть изменнику! Смерть ему!“

Зашумел тут народ, застонал:
„Кровопролитие ни к чему!..“
Отступил, косясь, Алтыбай,
Сапогом сминая траву.
„Ладно, жить остаётся пускай,
Пусть помучается во рву!“

Приговор неожиданный суров.
Скорбных несколько человек
Эльдияра спустили в ров,
Где уже томился Эрмек.

Чачикей вернулась из лесу, пригнала быка,
нагруженного дровами. Её вызвал к себе Алты-
бай и спросил: „Чачикей, когда ты собирала дро-
ва, не встречала ли какого-нибудь человека?“

„Нет, не видела никого, хан-аке“, — ответила
испуганная Чачикей. Алтыбай не поверил ей.

„Не обманывай, брось этот вздор...
С Эльдияром вела разговор,
Потому и печальна ты.
Помнишь, мне обещала ты,
Коль о гибели Табылды
Донесётся весть от людей,
Подчинишься воле моей,
Станешь третьей моей женой;
Ты, токол, будешь жить со мной...
Думай, умная Чачикей!
Что угрюмая, Чачикей?
Хан не нравится Чачикей,

Раскрасавице Чачикей?
Что молчишь ты—иль немота
В этот миг сковала уста?
Эльдияр с тобой говорил,
Ты словами его сыта?
Успокойся, перетерпи...
Муж твой умер где-то в степи,
Завернули ходжо его в ткань
И исчезли бог весть куда.
Эльдияр, этот трус, эта дрянь,
Возвратился ни с чем сюда:
И Арча-Тору не привёл,
Не привёз „Алмабаш“ и щит,
Золотую кольчугу, осёл,
Не сумел с мертвеца стащить.
Всё забрали ходжо с собой.
Ну, невестка, ответ какой?
Ты полюбишь меня иль нет?
Муж, твой друг, ушёл на тот свет.
Отвечай, за меня пойдёшь?
Не желаешь? Молчишь? Ну что ж..
Хоть ты дяди жена, Чачикей,
Рано ль, поздно ль, а всё равно,
Что задумал—свершиться должно,
Станешь младшей женой моей.
А откажешься—несдобровать,
Кементая тебе не снять“.

Чачикей заплакала и, не в силах что-либо сказать, ушла. Разозлился Алтыбай и приказал избить Чачикей. Истерзанная, в крови, она отправилась к Кудайназару. Старый хитрец вежливо встретил её и сладко произнёс: „Все мужья умирают, после них остаются вдовы, и на них женятся братья умерших. Ты молода, выходи лучше замуж за Алтыбая и расти под ханским крылом Шаимбета. Если будешь ласковой токол, глядишь, и сама начнёшь управлять народом. А по Табылды мы справим поминки, чтобы никто не пустил молвы, что у него скверные родственники“. Оскорблённая и униженная вернулась к себе Чачикей. Не спала ночь напролёт и думала о муже и бедном Эльдияре. А

утром, отправившись за дровами в лес, завернула на пастбище к Кардыгач.

Женщины решили помочь Эльдияру и Эрмеку. Поздно ночью они снова встретились, и, завернув еду в скатерть, вместе с запиской, на сорокасаженном волосяном аркане спустили в ров.

Голодные, измождённые Эрмек и Эльдияр обрадовались хлебу и маслу. „Теперь мы не умрём!“ — воскликнули они и написали спасительницам письмо:

„Дорогая аяш Чачикей,
Наша милая Кардыгач,
Не смогли б вы достать коней,
Чтоб помчали нас ночью вскачь?
Двух коней, быстроногих двух,
Чтоб их бег захватывал дух!
Вы сходите на коновязь,
Поглядите на коновязь,
Не найдётся ль там резвый конь,
Быстролётный, как звёздный огонь,
Чтоб скакал без усталости день,
От копыт отрывая тень.
Скакуна бы Кер-Табылги
Привести хорошо сюда...
Принесите нам сапоги,
И в оружии есть нужда,
И кольчуги и пули нужны.
Это вы нам достать должны
И доставить ко рву в темноте.
За советом сходите к Усте.
Мы должны из плена бежать,
К Табылды нельзя опоздать.
Табылды ещё надо лечить.
Попросите у Агачи
Разных снадобий и лекарств,
Привезённых из разных царств.
Пусть не сокрушается мать,
Сын сумеет на ноги встать.
Надо только лекарства взять —
И китайское красное взять,
И калмыкское чёрное взять,

Моную желательно взять,
Кантемир обязательно взять,
Мази всякой: жидкой, густой,
На кореньях разных настой.
К Табылды надо ехать быстрее,
Мало, мало осталось дней,
А не то—не застанем в живых...”

На третью ночь, достав оружие и доспехи, добыв все необходимые лекарства, Чачикей и Кардыгач привели ко рву коней Кер-Табылги и Алато. Женщины спустили в ров конец аркана, и старые друзья Эльдияр и Эрмек поднялись со дна пропасти.

Все пришли к одному выводу,— что Эрмеку до прибытия Табылды следует скрываться в лесу и о нём должна заботиться Чачикей.

Друзья, простившись с женщинами, сели на лошадей и поскакали. Около леса Эрмек спешился, а Эльдияр, захватив с собой скакуна Алато, поспешил дальше.

Теперь вернёмся к рассказу о Табылды. Эльдияр его оставил у истоков Нарына возле Кара-Таша.

На берегу Чёрной речки, вблизи леса, на белом потнике лежал раненый богатырь, а рядом, привязанный арканом, пасся его конь Арча-Тору. Табылды ждал своего друга. Прошло пять дней и ночей. На шестую ночь нога сильно разболелась, Табылды почувствовал себя плохо и запел печальную песню.

„Жизнь кончается — мало жил!
Рана жжёт, будто всыпана соль.
Боль идёт по сплетеньям жил,
Пронизала суставы боль.
Лёжа на берегу реки,
Слышу: шепчутся тростники.
Звёздам, ветру я говорю:
Пламя невидимо, а горю;
Из-за горя, как из-за стен,
Не могу я видеть зарю,

Не могу пересечь я мир,
Поперёк пересечь и вдоль,
Покрывает ржавчина меч,
Разрывает всё тело боль.
Я, наверно, скоро умру
Здесь, вдали от родимых мест.
Ни одной души нет окрест,
Только верный Арча-Тору
Рядом щиплет траву да ест.
Нет, не думал я никогда,
Что так жажда будет томить,
Что у ног будет течь вода,
И не будет сил её пить.
Нет, не думал я никогда,
Что так скоро закончу жить,
Что, когда стрясётся беда,
Не придётся с народом быть.
Нет, не думал, думать не мог,
Что останусь я одинок,
Чтоб киргизский народ не стоял
У моих неподвижных ног,
У откинутой головы
На зелёном ковре травы.

Если б я находился сейчас
Среди добрых киргизских людей,
Много б нежных участливых глаз
Не смыкались над мукой моей,
От любого отторгли б огня,
Смерть сумели бы отогнать,
И молилась бы за меня
Агача, моя бедная мать.
Где ты, мой народ Катаган,
Кара-Тоо, моя земля?
Надо мной в небе звёздный туман,
Одинокий крик журавля.
Где джигиты мои, где Эрмек?
Где родных моих голоса?
Одинокий лежит человек,
Холодна на челе роса...“

Табылды до рассвета спал,
Жар на зорьке немного спал.
Просыпалась в тиши земля,
Обозначились тополя,
И над горным краем земли
Засверкали лучи вдали,
Воду в речке вдруг подожгли.
Уползали хвосты теней.
Засвистал и смолк соловей.
В серебристой листве тополей
Голос дрогнул: ку-ку, ку-ку.
Подарила кукушка тоску.
Слушал до-о-лго её Табылды.
Убаюкивал шум воды,
Тростники шевелил Нарын.
Полный дум, Эрманкана сын
На сверкавший тополь глядел,
Где пернатый певец сидел.
Табылды зажмурил глаза,
Покатилась тихо слеза.
„Где родимая мать моя, где?
Мать растила меня, юнца,
В круглой юрте, будто в гнезде,
Мать кормила грудью меня,
Выводила в люди меня,
И когда я сахар просил,
Мёд она подносила мне,
И когда я шербет просил,
Джал она приносила мне,
И когда засыпал на земле,
Мать переносила меня
На постель, где в спокойной мгле
Сила сна хранила меня.
Где родная, где мать моя?
Иль кукушкой тоскует она,
Иль, сердечная, как и я,
У дороги одна, одна...
Где цветок Кардыгач, сестра?
Мы одну ведь сосали грудь,
Я хочу на неё взглянуть.
Боль остра и тоска остра.
Ты слетала б, кукушка, в аил,

Прокуковала б тем, кто мне мил,
Прокуковала б, что смерть ко мне
Подползла уже, как змея,
Что хочу на народе я
Умереть в родной стороне
Меж высоких горных вершин.
Где мой сын, единственный сын,
Незабываемый Шаимбет?
Где жена моя Чачикей?
Я в шестнадцать от роду лет
Соединился с любимой, с ней.
О какой красивой была,
Улыбалась и цвела!
О какой она нежной была,
Молодого целуя орла!
А теперь, наверно, бледна,
Истерзалась в разлуке она.
Пой, кукушка, своё „ку-ку“,
Подарила ты мне тоску.
Слушай, птица, сердце моё,
Боль застряла в нём остриём.
За Кара-Тоо ты полети,
Разузнай о семье, расспроси,
Обо мне народ извести,
На крылах письмо отнеси...“
Не ответила птица, нет,
На больные его слова,
Только ветер оставил след —
Задрожала слегка листва.
И откинулась голова,
Окунулся он в забытьё.
Распрямлялась тихо трава

А по ущельям и по холмам,
По долинам и берегам
Неустанно скакал, скакал
Эльдияр среди бела дня;
Пересаживался с коня
На скаку на другого коня,
С Алато на Кер-Табылги.
Пыль вилась наподобье пурги.
Если конь начинал сдавать,

Взмыленный уставать —
Пересаживался опять
Со вспотевшего Кер-Табылги
На отдохнувшего Алато.
Эльдияр скакал и скакал,
Так, что ветер в ушах свистал,
Так, что он задыхался сам,
Так, что полы одежды его
Развевались по сторонам.
Под копыта летела земля
В мальвах, в макахплыли поля,
Камни, рытвины и бугры
Мимо пыльного ковыля.
Вот ещё один поворот —
И видны уже тополя.
Речка в берег волною бьёт
И Арча-Тору звонко ржёт.
Эльдияра страх пронизал:
„Опоздал, опоздал, опоздал!“
Рвут горячий рот удила,
Лошадь в пене, белым-бела.
Эльдияр соскочил с седла,
Сделал семь тяжёлых шагов,
На ногах, будто груз оков.
Табылды — в траву головой
Навзничь на потнике лежал,
Бледный-бледный, ещё живой,
Тихий-тихий, ещё дышал.
У бедра белый меч сверкал,
„Алмабаш“ под рукой лежал,
У изголовья Арча-Тору
Призывающе часто ржал,
Настороже стоял,
И прохладной тенью своей
От раскалённых лучей
Он хозяина защищал;
И помахивая хвостом,
Мух назойливых отгонял.

Эльдияр на колени встал,
Над бескровным склонясь лицом.
„Табылды, Табылды, что с тобой,

Что случилось, друг дорогой?
За задержку себя виню,
Сам, глупец, попал в западню...
Как распухла твоя нога,
Захватило бедро, ступню!

Эльдияр глухо вопль исторг,
Он над другом захопотал,
Из мешочка лекарства достал,
Рану страшную — мук исток —
Он лекарством промыл одним,
Смазал рану лекарством другим,
Чистой тканью перевязал.
Облегчённо вздохнул, сказал:
„Пробуждайся, друг Табылды,
Избавляйся, друг, от беды!“

Через час, может быть, через два
Шевельнулась его голова,
И открыл глаза Табылды,
Попросил богатырь воды.
Эльдияра он увидал,
Но всё толком не понимал:
То ли друг уже прискакал,
То ли вовсе не уезжал.
Но нащупав слабой рукой
На бедре своём полотно,
Улыбнулся слегка: „Оно
Перевязано, друг, тобой?“

И пошёл на поправку герой,
И пошёл набираться сил,
Через три дня смеялся он,
Через пятнадцать — ходил.
На шестнадцатый день Табылды
Закручинился, загрустил,
Эльдияра прямо спросил:
„Друг мой, преданный, Эльдияр,
Ты — батыр, а в тебе нет сил
Правду истинную открыть,
О народе мне сообщить,

О семье поведать моей,
О Шаимбете, о Чачикей,
И о матери, о сестре,
О родне, о жизни их всей...
Почему ты не говоришь,
Чует сердце — что-то таишь?»

Отвечал ему Эльдияр:
Ты напрасно, друг, затужил.
Хорошо живёт наш аил,
И народ наш разбогател,
Каждый сыт, доволен и рад,
И в твоей семье мир да лад.
Я рассказывать не хотел,
Всё развязывать не хотел,
Не пускал в твоё сердце стрел,
Зла не слал я твоей судьбе.
Ханом избран теперь Алтыбай,
Люди радуются, ты знай,
Лучше зажили, чем при тебе.
Что касается Чачикей...
О, красавица Чачикей
По земле ходит, шелком шурша,
На руках твой сын Шаимбет.
Хороша Чачикей, хороша!
Алтыбай расположен к ней,
Хан женился б на Чачикей,
Да она за него не идёт,
Табылды дорогого ждёт.
Что тебе ещё рассказать?
Алтыбая сошла благодать —
И на сына, и на сестру
Кардыгач, и на добрую мать...
И Кудайназар подобрел,
От почёта повеселел.
Что ещё, мой друг, рассказать?
Что ещё ты хочешь узнать?»

„Благодарю тебя, Эльдияр,
Утолил души моей жар! —
Табылды воскликнул в ответ, —
Мой аба почтительно сед,

Мой аба мучительно стар...
Ошибался я... Прежде узнай,
А потом себя мстить убеждай.
Переменился Кудайназар,
Переменился и Алтыбай.
О, как хочется в юрту к ним,
Окунуться б в очажный дым!
Эльдияр, прости! Моему
Любопытству ты отдал дань.
Одного никак не пойму:
Как же волк превращается в лань?
Неужели верна твоя весть?"

„Подтверждаю. Так оно есть...
А теперь,— кивнул Эльдияр,—
Богатырский проверим удар.
Выздоровливающий, бери
Или саблю, или копье,
Любопытство, прошу, моё
Ты по-братски удовлетвори.
Знать хочу насколько ослаб,
Руки видеть хочу притом,
Есть ли в них мощь тигриных лап,
Можешь ли справиться с силачом.
Кто нам скажет — что впереди
Скрыто временем? Всякое жди.
Что увидеть нам предстоит?
Время немо — не говорит.
Видишь тополь? Думай, что враг.
Саблю в руки! Шире замах!"

Этот с тополем первый урок
Очень раненому помог,
Выздоровление началось,
Вдохновение поднялось.
Время шло, как идти должно,
Оборачивалось оно
Над землёй — то ночью, то днём.
Табылды послушным конём
За Эльдияром ходил.
Не уставал Эльдияр, лечил
И заботился о больном,

Чаем с мёдом его поил,
На охоту с ружьём ходил,
Дичь пернатую приносил,
Иногда архаров тащил.
Табылды мясо жирное ел,
Креп, заметно полнел.
Хорошо Табылды отдыхал.
Эльдияр, чтоб друг не скучал,
Часто друга тренировал
В рубке саблей, в меткой стрельбе,
В разнообразной борьбе.
А когда Табылды уставал,
В чатыраш с ним усердно играл,
И проигрывал — то слона,
То ферзя впопыхах отдавал.
Наконец, через сорок пять дней
Сели наши друзья на коней.

Ехали они прямиком,
Путь уже Эльдияру знаком,
Под конями речки текли,
Тропы медленные ползли,
Мхом обросшие камни шли,
И, гудя, мелькали шмели.
Всадники разговор вели,
Радовались лону земли,
Пересекали они —
То ложбину, то косогор,
Отлетали тени назад,
Провожал их с окрестных гор
Удивлённый олений взгляд.
Вот батыры, завидев лесок,
Полям тронулись наискосок;
Видят: из лесу наперерез,
Опираясь на батожок,
Станный выскочил человек.
Чуть сдержав лошадиный бег,
Табылды, сам не свой, вскричал:
„Эльдияр, да это ж Эрмек!“

В кементай одетый спешил,
Ближе, ближе к ним подходил.
С того света выходец, что ль?
Видно, душу терзает боль —
Он согнулся, как в бурю ствол;
Кементай дырявый на нём,
Ковыляет бедняк с трудом,
Еле-еле — а был орёл!
Как оброс! Борода в два вершка,
И на перевязи рука.
Он ступал, как с тяжкой страды,
Остановился за пять шагов.
„Это ты, батыр Табылды?
Ты приехал, жив и здоров?
Затянулись язвы ран?
Ты опять, как резвый кулан!
Табылды, это явь или сон,
Неужели вместе опять?“

Встречей был Эрмек поражён,
И не смог с собой совладать,
Сев на землю, заплакал он, —
Видишь, друг, руки перелом,
Били смертно, швыряли в траву,
В ров швырнули враги потом,
От людей скрывали во рву.
Как глубок он — каменный яр!
Будь же проклят Кудайназар!
Будь же проклят и Алтыбай!
Поработили киргизский край,
Сжали крылья свободных стай.
Есть корова — хану отдай,
Есть верблюдов — хану отдай.
Этот пьяница Алтыбай
Мучает твою Чачикей,
Замуж хочет насильно взять,
Шаимбета, сказал он ей.
На козлодранье может отдать.
Я тебя видеть здоровым рад,
Табылды, мой названный брат!“

Табылды Эрмека рассказ
До сердечных глубин потряс,
Он в седле сидел, поражён
Вероломством аба, удивлён
Эльдияра поступком, он,
Как на сонмище похорон,
Глухо, скорбно заговорил,
Речь сквозь зубы, словно цедил:
„Что такое? Верить кому?
Где же правда, я не пойму?
Ты меня обманул, Эльдияр?
Обманул? Скажи, почему?
Ты Кудайназара хвалил,
Алтыбая превозносил,
Что их любит киргизский народ,
Что заботится о родне,—
И о сыне моём, о жене
Много хан проявил забот.
А выходит — наоборот.
Эльдияр, почему солгал?
Ложью ты врагам помогал.
Мне покинуть бы Кара-Таш,
Но ты рядом стоял, как страж,
Ты удерживал меня там,
Проводил я беспечно дни,
Ложью ты помогал врагам,
Уходили от кары они.
Я придумал бы им сто кар!
Разорвал бы псов, видит бог!
Эльдияр, мой брат, Эльдияр,
Ты ж лечил меня... Как ты мог?..“

И сказал сын Усты Эльдияр:
„Притуши своих чувств пожар,
Обвиненья, брат, не нужны,
Обвиненья твои смешны.
Сила в разуме прежде всего,
Ты не понял лишь одного,
Что болезнью ослаблен был,
Что врага б не смог одолеть;
Ты, наверно, совсем забыл,
Что решает в бою не пыл,

А уменье оружием владеть.
Иль не этому сам учил
Нас с Эрмеком, джигитов всех,
Эту мысль нам в сердца вложил,
Я надеюсь, не для потех.
Неужели, мой брат, ослеп?
Я хотел, чтобы ты окреп,
Не отступала б твоя нога,
Чтобы ты разрубал врага,
Как дубовую плаху, врага,
Разрубал бы с размаху врага.
Где истоки козней и бед?
Табылды, послушай ответ,
Слово друга, а не льстеца,
А потом, как хочешь, ругай,
Как глупца, или, как лжеца.
Вот Кудайназар негодяй,
Единокровный твой брат,
Вот племянник твой Алтыбай,
Весь в отца — конокрад.
Сколько сделали они зла,
Причинили тебе хлопот!
Сколько раз угоняли скот,
Обездоливая народ!
Не сосчитать, не найти числа.
Я тебе ли не предлагал
Враз насытить разбойничью пасть:
На Кудайназара напасть,
И мечом его — наповал.
Я запомнил, что ты сказал:
„Не могу. Он — брат, аксакал“.
Миротлюбивый характер свой
И радушье души большой
Не потерял бы ты, Табылды,
Вместе с умною головой;
Не дошло б до арканной петли...
Случай был — джигиты спасли.
Вот теперь народ обнищал,
Разорён, на чужбину попал.
Кто его сюда плетью гнал?
Так зачем же ты их прощал?
У тебя они на виду

Безобразят и до сих пор.
Помнишь, осенью в прошлом году
Перекочёвывали в Кочкор,
Караван, что ты снаряжал,
На дóроге кто задержал,
Кто отвёл в Андижан на базар?
Тупоголовый Кудайназар.
А когда ты болел, мой друг,
Жизнь ужасно ломал недуг,
Без сознания ты лежал,
Без единого слова дышал;
Мы с Эрмеком много ночей
Над тобой не смыкали очей,
Твой народ молитвы творил,
Жертвы всевышнему приносил,
Душу юную пощадить
Он, слезой умываясь, просил.
Но Кудайназар не пришёл,
Хоть и знал, что недуг тяжёл.
Он готовил тебе ярмо,
Тайно прочил раба клеймо.
Третий сын его, Олджобай,
Чал-Калмаку повёз письмо.
Ты измучился, отощал,
Бездыханным готов упасть,
А коварный брат извещал
Чал-Калмака, просил напасть:
„Дядя, весть шлю от всей души,
Табылды ещё болен, спеши!
Нападать — так только теперь,
Приобретёшь, мне поверь,
Многочисленные табуны.
А не то пожалеешь потом,
Не избежишь войны,
Потеряешь семью и дом,
Если выздоровеет Табылды.
Вспомни старые нелады.
Он предпримет первым поход,
Предупреждаю я,
Его умысел знаю я,
Он одною мечтой живёт:
Поработить калмыцкий народ.

Не устоять тебе перед ним,
Богатырём молодым.“
Вот поэтому старый Чал
Так нежданно на нас напал.
О коварстве подлом аба
Я недавно, брат, услышал.

Нет, не кончился мой рассказ.
Я поехал с тобой в Талас,
Участь тяжкую разделил.
А Кудайназар объявил:
„Табылды скончался от ран,
Похоронен в Таласе он,
Не устоял наш юный султан,
Чал-Калмаком батыр сражён.
Сорок храбрых джигитов его,
Истинной правды не утаю,
Полегли в неравном бою,
Не спаслося ни одного.“

Но когда джигиты пришли,
Вести верные принесли,
В плен тайком от людей их взял
И арканами посвязал,
Чем попало бить приказал.
Если верить дыханью молвы,
Побросали их в разные рвы.
Я ведь тоже сидел во рву,
Я ведь тоже врагами бит,
Изо рта кровь лилась в траву...
Вот Эрмек тебе подтвердит.

Я солгал, а иначе бы ты
О народе, о матери ты
Изболелся душою весь —
И загрызла б тебя болезнь.
Я солгал, а иначе б могли
Думы жечь тебя, скорби полны,
Сокрушая, муки жены,
Муки б сына в тебя вошли,

Не давали б ни пить, ни есть —
И загрызла б тебя болезнь.
Я солгал, а иначе б судьба
Сорока джигитов твоих
Призывала бы, как мольба,
Призывала бы каждый миг
Твой правдивый и честный нрав
Отомстить им, своё воздав,
Разум начал бы твой болеть,
И желтел бы ты, будто медь,
Поразила бы зренье резь —
И загрызла б тебя болезнь.
Я солгал, я правду таил,
А иначе, как пустослов,
Не соразмерив бы сил,
Ты бы кинулся на врагов.
И больного тебя, друг мой,
Враз под корень враги снесли б;
Ты лежал бы, не слыша всхлип
Бедной матери, ставшей рабой,
Ты лежал бы, не слыша всхлип
Изможденной жены дорогой,
Ты лежал бы, не слыша всхлип
Одинокой сестры над собой.

Да, солгал я — ругай меня,
Эта ложь была правды нужней,
Чтоб ты вылечился скорей,
Чтоб скорее сел на коня,
Чтобы ты ронял не слова,
А вздымал бы свой белый меч,
И слетала бы с вражьих плеч
Алтыбаева голова,
Кенджебаева голова,
Олджобаева голова;
Чтоб среди этой груды тел,
Получив такой же удел,
Сам Кудайназар в небеса
С перерезанной глоткой глядел.
Вот чего я хотел, поверь,
Мой поступок этим и мерь,

Ты к прыжку подготовлен, как тигр,
Сам как хочешь, решай теперь“.

Табылды улыбнулся: „Ну, что ж,
Я доволен тобой, мой друг,
И спасибо тебе за ложь,
Как за лучшую из услуг.
Табылды, Эльдияр, Эрмек—
Трое нас, как один человек,
Трое из одного гнезда,
Не разлучаться нам никогда.
Нужно сразу, друзья, решить,
Как же с недругами поступить.
Нужно знать, что скажет народ“...

Я советую,—высказался Эльдияр,—послать в айлы Эрмека, пусть отвезёт весть народу, пусть прокричит: „Табылды жив, здоров и возвращается к вам.“ Посмотрим, как люди отнесутся к такому известию. Если обрадуются—значит, тебя не забыли, если останутся равнодушными—значит, придётся умом раскинуть, что предпринимать в дальнейшем. Ещё важно знать, как поведут себя Кудайназар и Алтыбай.

Табылды и Эрмек согласились с предложением Эльдияра.

Эрмек переоделся в новую одежду, сел на Кер-Табылги и отправился сообщить народу суюнчи.

Ночь, сияя, на запад шла,
Но забота друзей подняла,
Все втроём сказали: „Пора
Делать благостные дела!“
Переоделся в лесу Эрмек,
Ноги обул в сапоги
И с надеждою на успех
Он вскочил на Кер-Табылги.
В предрассветном отливе тьмы
Продолжали звёзды цвести.
Ни овраги и ни холмы

Не задержали его в пути,
Всадник мчался в дальний аил,
Солнца розовый круг всходил,
Грыз скакун железо удил,
Бойко чёрным хвостом крутил:
И Эрмек, как по воздуху плыл,
Как ребёнок, ногами болтал,
Гриву радостно целовал,
С перерывами песню пел,
Чуть покачиваясь в седле:
„Солнце светит, день потеплел,
Хорошо душе на земле!“

Тороплив иноходца бег.
И везя суюнчи, Эрмек
То в один аил, то в другой
Прилетал, как гость дорогой.
В это время Кудайназар,
Сидя в тёплой тени чинар,
Вздумал выехать за аил
Глянуть на облака отар.
Он, медлительный, оседлал
Кобылицу Куу-Байтал,
Только сел, только поднял бич,
Услыхал неожиданно клич,
Услыхал он топот копыт,
Увидал—по аилу летит
Всадник бешеный и кричит:
„Суюнчи! Суюнчи! Суюнчи!
Жив, здоров батыр Табылды,
Отыскались его следы!“

Помутилось в глазах старика,
По спине—мураши холодка,
И ременный держащая бич,
Задрожав, опустилась рука.
А посланец шумел, кричал,
И народ на крик выбегал,
И от юрты до юрты весть:
„Табылды скоро будет здесь!“

За киргизом спешил киргиз,
Аксакал спешил и мудрец,
И за парнем стыдливая кыз...
Перед ними—всадник, гонец,
Удивителен, неутомим,
Пляшет Кер-Табылги под ним,
Карий конь, как шомпол, упруг
И стремителен, будто рысь.
По аилу он сделал круг—
И ещё раз копыта прошлись.

И со страху Кудайназар
Сразу сгорбился, будто нар,
Не по нраву ему гонец,
Страшной вести не ожидал.
И Эрмек к нему, наконец,
Улыбающийся, подскакал.
„Суюнчи, аба, суюнчи!
Суюнчи родне сообщи.
Шубу и сапоги надевай.
Абаке, я приеду вновь,
За суюнчи девятку готовь“.—
И добавил такие слова:
„К хану! Где аила глава?
Пусть услышит теперь Алтыбай,
Весть пронзит его, как стрела“.

И Эрмек, пот смахнув с чела,
Через речку махнул напрямик,
Ханской юрты быстро достиг,
Прокричал: „Суюнчи, Алтыбай!
Суюнчи, Алтыбай принимай!
Если враг—то горюй, унывай,
Если друг—веселись, сияй!
Жив, здоров батыр Табылды,
Отыскались его следы,
Он смелей весенней воды,
Он быстрее летящей звезды.
Я сейчас к Усте поскачу,
Всем киргизам, всем сообщу...“
Он от юрты к юрте скакал,
Он скакал из аила в аил,

Вести добрые разглашал,
Чем киргизов и удивлял.
Он чапан слегка распахнул,
Раскраснелся от скорой езды,
За собою он слышал гул:
„Табылды! Табылды! Табылды!“

Он вернулся в ханский аил,
Он увидел женщин, детей,
Он увидел мужчин, парней,
Путь живой поток преградил,
Под уздцы кто-то лошадь схватил.
„Стой, Эрмек! Скакуна сдержи!
Где сейчас Табылды? Скажи!“
„Недалёко, верстах в пяти,
Если прямо к нему идти.
Утомился, за долгий путь,
Перед встречей решил отдохнуть“, —
Так ответил народу гонец.
Сколько он взволновал сердец!

Пропустили гонца вперёд,
Следом заторопился народ,
Кто пешком, кто на коне,
Кто на верблюде, кто на быке,
Кто в халате, кто налегке,
Кто с подарками на спине.
Ехали полем, лугом они,
Разговаривали они,
Обгоняли друг друга они,
Пыль, как марево, от толкотни.

А Кудайназар между тем,
Испугавшись, сообразил
Чем приезд Табылды грозил.
Он раздумывал, бледен и нем:
„Что же делать, что предпринять?
Надо всех мне опередить,
Уважение оказать,
Почтение показать,
Надо первому мне прибыть,
Самому обо всём сказать.“

И он смаху кобылу хлестнул,
Сорвалась Куу-Байтал,
Под копытами лёгкий гул,
Ветер в уши ему засвистал,
Будто в глиняную бутылъ,
Заклубилась густая пыль.
Кобылица такая одна,
В целом свете не сыщешь другой,
Вихрем Куу-Байтал рождена,
Нет цены кобылице такой.
Пулей к цели летела она,
Молнией сверкала она,
Мчалась—ниже туч в небесах,
Мчалась—выше трав на холмах.
К Табылды старик прискакал,
Остановилась Куу-Байтал,
Наземь спустился Кудайназар
И заплакал, тряся бородой:
„Табылды, мой брат дорогой,
Золотой для народа чинар,
Мой от сломанной пики флажок,
Клад доставшийся от отца;
Кем всю жизнь я гордиться мог,
Ты опора моя до конца,
Сила, преследующая разбой,
Долго не виделись мы с тобой!
Как я соскучился по тебе,
Сердцем измучился по тебе,
Рад, что жив мой отважный зверь,
Что пришёл в родное жильё,
Рад, что вижу лицо твоё,
Легче мне умирать теперь“.

Проголодалась Куу-Байтал,
Потянула морду к траве,
А Кудайназар все болтал,
О любви своей, о родстве,
Будто мёд источал язык;
Долго выкручивался старик:
„Брат мой, как ни старался я,
Чтоб в довольстве жила твоя
Уважаемая семья—

Ничего не добился я.
Несговорчива твоя мать,
Невозможно её понять,
Уговаривал много раз:
„Сиди дома, как аксакал,
Не труди ни рук и ни глаз,
Пользуйся благом, коль бог послал;
Хоть я сгорбленный и седой,
Сам ухаживаю за тобой;
Чтобы мягко тебе жилось,
Хочешь, под ноги постелю
Я медвежью шкуру, сноха?
Чтобы сладко тебе спалось,
Хочешь, под бок тебе нащиплю
Я лебяжьего пуху, сноха?
Ты не мучайся, не горюй,
Возвратится твой сын—герой.“
Мать моим не вняла мольбам,
И ушла на джайлоо к стадам.
А сестру твою сватал джигит,
Хана сын, недурён, силён;
Не пошла—дескать, скучный он,
Лучше скот пасти, говорит.
И ушла к Агаче, к стадам,
До сих пор с ягнятами там.
А жена твоя Чачикей.—
Не видал я женщин умней,—
Заявила твёрдо она:
„Что ж сидеть мне, руки сложа,
Заниматься делом должна,
Чтоб народ меня уважал.
И пока Табылды не придёт,
У меня в труде интерес“.
Ежедневно топор берёт,
По дрова уезжает в лес.
Шаимбета рощу я сам,
Сам присматриваю за ним;
Чтоб не сглазить глазам худым,
Не таскаю мальчика по пирам,
Не показываю гостям;
Чтобы хилым потомок не рос,
Чтоб от жира не растолстел,

По аилу бегают бос,
Я нарочно в тряпье одел.
Без седла и с прутом в руке
Ездит мальчик уже на бычке.
Храброго тигра я вижу в нём,
Вырастет—станет богатырём.
Чистосердечен и без прикрас
Мой, омытый слезой, рассказ.
Брат мой милый, враги мои
Очень жаждут поссорить нас.
Дело, думаю, мы вдвоём
По-родственному повернём,
Ради блага киргизов мы
Всяких ябедников сотрём...
А народом править кому—
Думаю, тебе одному.
Стоит только мне слово сказать —
Повернётся к тебе народ.“

„Благодарю, брат Кудайназар,
Речь сладка твоя— чистый мёд,—
Табылды отвечал ему,—
Одного я в толк не возьму,
Шаимбета на радость мне
Не привёз сюда почему?
Правда, братец, видать, горька,
Хитрость с лестью—слишком сладка.
Ты мне под ноги стелешь мех,
Хочешь выдать за правду вздор...“

В этот миг приехал Эрмек,
Спешился, прервал разговор.
Взял за повод Куу-Байтал:
„Где моя суюнчи, абаке?“
Хитрый старец припал к луке,
Бороду, лукавец, сжал в руке,
Притворяясь, плакаться стал:
„Вот тебе суюнчи, Эрмек,
Голову ты возьми мою
Радуйся и кричи, Эрмек,
Скот и голову отдаю.
Я пожертвовать всем готов

В честь явления Табылды,
Без сожаления можешь ты
Голову снять и угнать коров.
Стар я, стар...“
Но шум голосов
Неожиданно налетел,
Хлынула народа река,
Заглушила речь старика.
Люди шли. Барабан гремел.
Люди с горки спешили вниз.
Старый, малый—каждый киргиз
Табылды повидать хотел.
Окружили батыра кольцом,
И толпа росла и росла,
Будто на встречу с родным отцом
Каждого любовь привела.
Люди радостью возбуждены,
Расталкивали одни других,
Дергали за чапаны,
Умоляли, просили их:
„Посторонитесь куда-нибудь,
Дайте нам на него взглянуть!“
Голоса наполняли высь,
Голоса к облакам неслись,
К снежным шапкам горной гряды:
„Здравствуй, наш батыр Табылды!“
„Ты не сломался, меч-Табылды!“
„Цел остался щит-Табылды!“

Подходили со всех сторон,
Каждого приветствовал он.
Обнимали его не раз,
Целовали его не раз,
И глядели в его глаза
Тыщи нежных и добрых глаз.
Говорили многие так:
„Он приехал—хороший знак!
Увидали его живым,
Раньше всех здоровались с ним,
Раньше всех говорили с ним,
С Табылды, батыром самим.
Стало на сердце веселей.

На коней! Возвратимся скорей.
Дома надобно в его честь
Жертву духам добрым принести.“

Видно, всех Эрмек всполошил,
Поднялись за аилом аил,
Люди с поля ступали на луг,
С косогора спускались вниз...
Вот и сорок джигитов вдруг
Неизвестно откуда взялись,
Скакуны под ними взвились,
К Табылды стремглав понеслись.

А почтенный старик Уста,
Чья великая доброта
Отводила смерть от людей,
Сохранила многих людей,
Прежде чем ехать к богатырю,
Приказание кое-кому
Отдал: „Ставьте юрту ему,
Ставьте юрту на самом виду
Да готовьте жирней еду.“
Вот он скакуна оседлал,
Кобылицу ещё оседлал,
К своему коню привязал,
На неё поперёк седла
Чёрного положили козла,
Рыжего козлёнка ещё,
И кобыла их повезла,
Жертву в честь Табылды повезла.
Закачался в седле Уста,
За верстой мелькала верста,
Там, где раньше вилась тропа,
Проторил дорогу народ.
Раздалась широко толпа,
Пропустила Усту вперёд.
Обнялись с батыром батыр,
Слёзы счастья каждый пролил,
И поехали вместе в аил,
Где большой ожидался пир.

На пиру народ побывал,
Хорошо народ пировал,
Хлебосольный народ Катаган.
Под конец приехал и хан.
Слез с коня, тяжело дыша,
Саблю мирно в руках держа.
Алтыбай к Табылды подошёл,
И камчою шею обвил,*
Он сидящих взглядом обвёл,
„Брат мой,—громко проговорил,—
У народа я не в чести,
Если я ошибся—прости.
Дочь единственную свою
Я в подарок тебе отдаю“.—
Алтыбай снял с шеи камчу
И подвел свою дочь Бурулчу.

Повидавшись с женой и сыном, с матерью и сестрой, Табылды отдыхал несколько дней, потом собрал людей рода Катаган и обратился к ним с речью.

„Расскажите, как жили вы,
Здесь, быть может, тужили вы,
Здесь-то ведь не родимый край,
Пусть он даже красив и мил...
Справедлив ли хан Алтыбай,
Кто его ханом провозгласил?
Охраняет ли он, как батыр,
Ваш покой и ваши стада?
Процветает ли в семьях мир?
Как переселились сюда?
Хороши ли эти места
Для разведения скота?
И просторны ли здесь поля—
Какова ширина, длина?
Хороша ли эта земля
И достаточно ль солона?
Много ль в недрах её добра—
Золота и серебра?

* знак покорности

Хороши ли Арпы и Аксай,
Травянисто ль джайлоо Алай?
Почему—не пойму—ушли
Вы с родной Нарынской земли,
Неужели вам гнёт грозил?
Может, хан вам умы затмил?
Неужель нет у вас тоски
По обжитым родным местам?
О земля Атбаши, Нарын,—
Деды, прадеды жили там,
Там, где травы густы, высоки,
Где на скалах олени живут,
Где архаров тени бегут,
Где вода летит с вышины,
Где распадки, как желоба,
Где улары весной слышны,
Бормотанье их, как мольба;
Где медведицы с шёрсткой родят
Очень маленьких медвежат,
Где по холмикам и логам
Перебегают огни лисиц,
Где по зарослям и лугам
Распевают миллионы птиц;
Где газели на склонах гор,
Где косули в густых лесах,
Где ручьи ведут разговор,
Где фазаны кричат в кустах,
Где сияние горных глав,
Как сиянье китайских зеркал,
Поднимается астрагал;
Там и реки рыбой полны,
Рыбы прыгают, как скакуны;
Там и озеро с камышом
Очень схоже с большим ковшом.
Разве есть что-либо вблизи,
Разве есть что-либо вдали
Благодатнее тех низин,
Благодарней родной земли?
И зачем вы оттуда ушли?”

Речь батыра глаза зажгла,
У джигитов и молодух,

У аксакалов и у старух,
Обласкала приятно слух,
Мыслям их движенье дала,
Подняла воинственный дух.
Зашумели люди вокруг:
„Надоели чужие места!
Пусть за нас говорит Уста,
Наши помыслы знает он.“
И старейшина вышел в круг.
Он сединами убелён,
Древней мудростью наделён
На такое скопление людей
Поглядев, призадумался он...
„Эх, батыр Табылды, пойми,
Мы недаром пришли с детьми,
От восьмидесяти до восьми
Здесь, сегодня стоящим, лет.
Нанесён нам огромный вред,
Обессилел народ, Табылды,
Обнищал народ до основ,
Хорошо, что вернулся ты,
Жеребёнок наш, жив, здоров.
Больше нет у народа скота
В загонах его пустота,
Перекочевали стада
В руки ханские навсегда,
О бесчинствах не умолчу,
Алтыбай лишь нужду творил,
Лишь показывал нам камчу,
Он иначе не говорил.
Он поборами донимал,
Приходил, что хотел—то брал,
Если резвый скакун—отнимал,
Если сильный верблюд—отнимал,
Кобылиц молочных, коров—
Отнимал, к себе угонял,
Превращал в рабов бедняков,
Справедливости не признавал.
Он врывался в любой аил,
Лучших девушек увозил,
Кто приказов не исполнял,
Тех наказывал и пытал.

Он джигитов твоих пытал,
В разные стороны разогнал.
Жеребёнок наш, Табылды,
Верблюжонок наш, Табылды,
Предложи—и мы на коней,
Прикажи—и рванёмся к ней,
К незабываемой никогда
Родине милостивой своей.
Перекочем сразу туда,
Где Нарына играет вода.
Хана слушать не будем мы,
Власть тирана осудим мы,
Путь-дорогу запрудим мы,
Переедем мы до зимы.
Там знакома любая тропа,
Там приятней солнца восход,
На прекрасном джайлоо Арпа
Зарезвится, насытятся, скот.
Беркутёнок наш, Табылды,
Соколёнок наш, Табылды,
Алтыбая-вора сместим,
Тебя ханом провозгласим.
Под рукой твоей оживём
И покой души обретём,
Под твоим могучим крылом
Будем жить да детей растить.
А калмыкам бы—отомстить...
Нас хлестали без всяких прав,
Мы устали от их расправ.
Прикажи—и мы оторвём
Алтыбаю-хану башку,
У Кудайназара потом
Вырвем бороду по волоску“.

Не успел закончить Уста
Как раскрылись людей уста:
„Верно, правильно говорит!
Наша в слове его правота!“

Настроенье народа учтя,
Табылды Усте возразил:
„Вы, почтенный отец, как дитя,

Рассудили наши дела,
Старость к этому привела.
Ханом будет, мол, Табылды,
Алтыбая-хана долой,
Кроме ожесточённой вражды,
Не привезём ничего домой.
Хана требуют наказать,
За обиженных—истязать.
Как бы нам в ошибку не впасть.
А бывает без строгости власть?
Я на это отвечу: нет!
А бывают без лезвий ножи?
А бывает без горя жизнь?
Я на это отвечу: нет!
Правда, надо народ любить,
Чтоб слугою и властью быть,
Если честно народу служить—
Не придётся ему тужить.
Если пил кровь народа хан—
Ожидает хана аркан.
Но стрела сама не летит
Без натянутой тетивы,
Алтыбая избрали вы.
И теперь вы полны обид,
Его жаждете головы.
Опрометчив не только поток,
С гор бегущий—то прямо, то вбок,
Опрометчив и тот народ,
У которого жизни ход
Отдан на произвол судьбы
Без сознания, без борьбы.
Если не подчинится народ,
Его хан на аркан не возьмёт.
Я советую: Алтыбай
Остаётся ханом пускай,
Мы потребуем одного—
Справедливости от него.
Не возмущайтесь словом моим,
Нам порядок необходим.
Я ж, друзья, для походов рождён,
Я—клинок в глубине ножон.
Ссоры следует прекратить,

Нужно в дружбе киргизам жить;
Всякий ссорящийся — почёт
Из раздора не извлечёт.

Если быть без дружбы в пути —
К цели путникам не дойти.
Впереди Атбаши и Нарын,
Обаянье сверкающих гор,
Очарованье родных долин.
Пусть же вновь там увидит взор
За аилом возникший аил,
Сладкий, тонкий дым очагов,
Пусть раздастся там ржанье кобыл,
Крик овец и мычанье коров.
Сразу же перекочёвку начнём,
Завтра же подготовку начнём,
Выйдем рано на перевал.
Скот рабочий придётся взять,
На дороге большой обвал
Постараемся разобрать.
Чтобы бедствие миновать,
Каравану не пострадать,
Нам дорогу надо чинить.
Алтыбая будем просить,
Не откажет — поможет хан,
Чтоб шесть тысяч семей Катаган
Преодолели горную высь,
Благополучно бы добрались
До земель Атбаши и Нарын,
До заповедных долин,
Что нам видятся по ночам
В беспокойных туманных снах.
Наяву окажемся там,
Отряхнём с ног чужбины прах.
Слушай, мой киргизский народ!
Пусть батыр Эльдияр впереди
Во главе каравана пойдёт,
Табылды и Эрмек позади.
А Кудайназар и Уста
Для стоянок наметят места,
И как только, моляся вслух,
Перейдём заветный рубеж,

Отведём аксакалам луг
У холма отлогого Кеш.
Алтыбая ханский аил
Расположится на Аккие.
Угодим мы каждой семье,
Чтоб обид никто не таил,
Чтоб киргиз наш просторно жил,
Не нуждался в еде, в жилье.
Обращаюсь с прошением одним,
Храбрецам, люди, нужен дар,
Я оставить прошу Кыз-Мазар
Сорока джигитам моим.
Пусть в долине предков они
Коротают мирные дни.“

Уставший, измученный народ согласился с Табылды. Все, как один, заявили: „Завтра же начнём готовиться к перекочёвке!

Смущённый решительным настроением народа, хан Алтыбай попросил слова.

„Многотысячный наш народ,
Чую, мой наступил черёд.
Не хочу, чтобы сход кричал:
„Хан вину свою замолчал!“
Нет, гляжу и думаю я:
Самого себя ввёл в обман,
Тяжела ошибка твоя,
Непростительна, резвый хан.
Правда, я вас переселил,
Правда, я сюда торопил,
Поднял руку на скот в коро,
Покушался на ваше добро.
Подчиняюсь тебе, народ,
Я заглажу свою вину.
Я прощенья прошу—и скот
Я с лихвою, клянусь, верну.
Я теперь стыжусь своих дум,
Видя острый батыра ум.
Думал я: Табылды очень юн.
Оказалось, что он созрел
Для народных великих дел.

Думал я: Табылды хвастун,
Оказалось, что дядя мой
Может быть народа главой.
Думал я: Табылды одинок.
Ошибался я, видит бог,
Оказалось сердце его
В сердце народа всего.
От стыда перед вами горю,
Я прошу меня больше не клясть.
Табылды, тебе говорю:
„Ты возьми в свои руки власть.
Управляй, народом, батыр!
Удивляй, Табылды, весь мир!“

Ч А С Т Ь П Я Т А Я

осле длительного путешествия киргизы рода Катаган достигли родных мест и расположились в разных долинах аилами.

Табылды и Эрмек, приехавшие последними, остались в долине Кыз-Мазар, где уже дымили юрты сорока джигитов.

Табылды стал управлять родом Катаган. Довольный народ зажил, как прежде, весело и сыто. Однажды, пируя с сорока джигитами, Табылды заявил о своей готовности разгромить Чал-Калмака и уничтожить его, ибо последний опять угрожал нападением на киргизов, а такие угрозы не давали спокойно жить народу. Сорок джигитов предложили собрать народ и посоветоваться. Табылды так и сделал.

На сходе батыр обратился к собравшимся:

„Аксакалы, наши отцы,
Белобородые мудрецы,
Благородные мудрецы,
И дружины моей храбрецы,
И собравшийся здесь народ,
Видится мне картина одна,

Горечью память поражена,
Вспоминается наш поход,
Вспоминается с Чалом война.
Кто у нас угнал лошадей,
Кто напал на мирный народ?
Сколько пало наших людей,
Сколько осталось вдов и сирот!
Думаю: „Это чья вина?“
Я от ранения умирал,
В одиночестве я страдал,
Жизнь моя кровью обагрена.
Думаю: „Это чья вина?“
А народ в чужие места,
Исстрадавшись, перекочевал,
Сколько он потерял скота,
Сколько горести испытал!
Нищету дала чужина.
Думаю: „Это чья вина?“

Душу мою тревога сосет,
Мысль в неё запала одна:
Вдруг опять калмык нападёт,
Вновь несчастье нам принесёт,
Беспокойство горьких забот,
Быть нам надо настороже.
И пока Чал-Калмак живёт,
Неспокойно моей душе.

Я отправил скот на базар
В знаменитый город Кашгар,
Ткани шёлковые купил,
Много оружия раздобыл,
Есть и ружья и порох у нас,
Пуль свинцовых ворох у нас.
Я решил предпринять поход,
Я решил Чал-Калмака убить.
Благослови же меня, народ!
Или дай мне совет: „Как быть?“

Сход, как сонный, дышал, молчал,
Даже вздохом не отвечал,
Удивлённый Уста молчал,

Алтыбай от страха молчал,
Эльдияр, краснея, молчал,
А Эрмек, бледнея, молчал,
Все молчали—и млад, и стар.
Голос подал Кудайназар:
„Милый мой, Табылды, мой брат,
Я готов себя жизни лишить,
Голову за тебя сложить...
Все на сходе, видишь, молчат,
Я позволю себе сказать,
Ты обиды не затаи,
Чал-Калмака мне лучше знать,
Выслушай советы мои.
Он по матери дядя мне,
Я бывал в его стороне.
Он—владыка, хан-великан,
Это грозный, зловредный хан,
Властный, самолюбивый хан,
Мыслью о мести он обуян.
Подданные боятся его,
И хорошего ничего
Не дожидаются от него,
Вздрагивают, завидя его,
И живут, ненавидя его.
Знаю, брат мой, ты одержим,
О киргизах полон хлопот,
Стоит ли начинать самим
Против Чала лихой поход,
Может сделать наоборот:
Мирно договориться с ним.
У него девять крепких сынов,
А десятая—дочь Торко,
Я поехать к нему готов
И посватать не прочь Торко.
Табылды, молодой орёл,
Чем тебе истреблять людей,
Лучше, брат, женись-ка на ней,
Золотую возьмёшь токол.
Красоты редчайшей жена,
Удивительна, как луна,
Как шелковинка, нежна,
Мудростью наделена;

Вот какая тебе жена,
Думается мне, суждена.
И не надо копья и щита,
И огнём из ружей палить,
Эта лунная красота,
Шелковистая эта нить
Может с Чалом нас примирить,
Наши народы объединить.
Лучшего выхода не найдёшь.
Полагаю, что с дядей мы
Договоримся, поладим мы,
И Торко ты замуж возьмёшь.
Я поеду к Чалу, как сват.
Я коня ему подарю,
Я улажу дела, мой брат.
Люди, верно ли говорю?
Коль откажет Чал наотрез,
Коль его попутает бес,
Я разведку произведу
Потайных заповедных мест.
Я вернусь и скажу: „Ини,
Оказался чреватый плод,
Неминуем теперь поход.
Пусть иссякнут упряма дни,
Пусть же слышится конский бег,
Пусть же ружья палят огнём!
И в аил твой Торкообек
Без калыма мы увезём.“

„Абаке Кудайназар говорит правильно, — подтвердил мнение схода Табылды. — Я согласен, пусть он станет посредником между мной и Чал-Калмаком, пусть едет сватом, а мы, потомки Эрманкана, вместе с сорока джигитами проводим его до владений калмыцкого хана. Если Чал-Калмак не согласится сыграть свадьбу — будем воевать“.

Киргизы разъехались по своим аилам, а Табылды подготовил к поездке девяносто иноходцев и сто резвых скакунов, взял необходимое вооружение и тронулся в путь.

Ехали тремя группами. Впереди всех Кудайназар, за ним во главе десяти человек Алтыбай.

На небольшом расстоянии от них двигалась вторая группа — дружина, которую вели Эльдияр и Эрмек, а сзади торжественно ехал Табылды со своими сорока джигитами.

Разведав по пути все джайлоо, они перебрались через реку Балгарт, застрелили одного барса и направились к перевалу Барскон.

Вёл две дружины на перевал
Кудайназар-аксакал,
Первым торжественно ехал он
На кобылице Куу-Байтал.
Вьётся дорога на перевал,
Вьётся, каменная, между скал.
„Вот и перевалили Барскон! —
С гордостью абаке сказал, —
Дальше к озеру длинный склон,
Спуск по пастбищам и лесам.
Стой!“ — коня, удивлённый, он
Осадил, не веря глазам.
Нет дороги — пред ним стена,
Нет дороги — преграждена!
Справа зубья высоких скал,
Слева высь крутобоких скал,
А меж ними каменный вал, —
Видно, что человек создавал.
В горловине ущелья лёг
Этот каменный вал поперёк,
Так что гость любой не пройдёт.
Камень с юрту вместо ворот
Закрывает в середине брешь.
Кто б ты ни был, путник, вздохни,
Поглядев на этот рубеж,
И обратно, друг, поверни,
И себя в ближайшие дни
Новыми поисками утешь;
Не пытайся преодолеть,
Прочности не одолеть —
На сооруженье пошли
Камень, глина, железо, медь.
Высоченный вал образцов
И недосыгаемо крут,

Сразу виден искусный труд
Каменщиков и кузнецов.

Здесь ни друг, ни враг не пройдёт —
Вставлен камень в проём ворот.
Чей же замысел это, чей —
Ход закрыть гигантской из глыб?
С места сдвинуть её могли б
Только семьдесят силачей.
Этот камень принёс сам Чал
И в проёме установил,
Этим подвигом показал
Сколько в нём богатырских сил.

Удивленье вал вызывал.
Укрепленье придумал Чал,
От вторженья своих врагов
Он владенья оберегал.
Взволновался Кудайназар,
Растерялся Кудайназар.
Чёрный камень тяжёл, велик.
Абаке поставлен втупик.
„Что же делать и как тут быть?
Чёрный камень не отвалить.
Путь придётся другой искать.
Эй, скорей! — абаке стал звать, —
Алтыбай! Эрмек! Эльдияр!
Поглядите, вот крутизна!
Не перелетит и тулпар,
Божья сила в помощь нужна.“

Табылды подъехал, спросил:
„Удивляетесь вы чему?“
Абаке смущённый к нему
Повернулся, заговорил:
„Что же делать, кругом объезжать,
Путь иной к калмыкам искать?“
И Кудайназар, рассердясь,
Начал дядю Чала ругать.

Табылды посмотрел, помолчал,
Чал-Калмак его восхищал,

Восторгалась его душа:
„Ах, батыр-хитрец! Ай да Чал!“
Табылды ни с того ни с сего
Засмеялся: „Зачем объезжать?
Надо с камушком поиграть,
Отодвинуть надо его,
Пусть попробует каждый поднять.
Ну, батыры, вы, как в бою,
Испытайте-ка мощь свою,
Подходи и ты, Алтыбай,
Силу ханскую испытай.
Сдвинем камень — откроем ход;
Ну, так кто же первый начнёт?“

Храбро Эльдияр подошёл,
Взялся за угол — вздох, рывок...
Удивлённо руки развёл,
Мол, судите — сдвинуть не смог.
А потом Эрмек подошёл,
Как не мучился — только взмок,
Как не дулся — ни на вершок
Сдвинуть глыбу Эрмек не мог.
Ухвативши камень за край,
Похвалился хан Алтыбай,
Показав недюжинный пыл,
Долго бился с ним Алтыбай,
Час возился с ним Алтыбай,
Опозорился — отступил.

Табылды, сидящий верхом,
Возвышался в седле, как холм,
И посмеивался батыр
Над усильями кряхтунов.
„А скажи я: спешите на пир —
Стали б вы резвей скакунов.“
И джигиты по одному
Подходили к камню тому,
Напрягали мускулы рук,
Напрягали мускулы ног,
Испытали немало мук —
Камень сдвинуть никто не мог.

И по тридцать парней бралось,
Вместе пробовали толкать,
Сдвинуть всё же не удалось,
Порасселись вокруг отдыхать,
Не увидев трудов плоды.
„Ну, батыр, приложись-ка ты! —
Подзадорили Табылды, —
Это, друг, не саблей махать,
Не чокмор тебе поднимать!“

Соскочил Табылды с коня:
„Может, корень у камня есть?
Может, камень глубоко врос?
Может, камень оставить здесь,
И не стоит браться всерьёз?
Отступить киргиз не привык,
„Наступать“ — вот его девиз,
Коль придвинул камень калмык,
Отодвинуть должен киргиз“.
И джигитами окружён
Встал у камня, огромный, он,
В неприступный вглядясь заслон,
Будто страшный пред ним дракон.
Прошептал батыр в тишине:
„Дух Манаса, приди ко мне!“
Молод, статен, могуч, красив, —
„Отойдите!“ — сказал он всем.
Он нагнулся, губу закусив,
Он упёрся ногами в землю,
Грудью в камень упёрся он,
И руками упёрся он;
И напрягся киргиз-исполин,
Покраснел на виду у дружин,
И отбросил глыбу батыр
От ворот на десять аршин;
И пошёл, как гора, величав,
Отряхнув запылённый рукав,
Сел спокойно в изгиб седла,
А кругом раздавалась хвала;
Лишь соперника Табылды
Алтыбая дрожь пробрала,
Лихорадка страха трясла,

И зуб на зуб не попадал.
Хан подумал: „Не ожидал...
Я напрасно с ним враждовал.
Вот так сила! Глядишь подойдёт,
Вгорячах мне шею свернёт“,
И от страшной думы такой
Алтыбая ударило в пот.

А батыр, держа повод в руке,
Зычно крикнул: „Садись! Садись!
Ну, поехали, абаке,
Ближе к озеру вниз да вниз.“
И действительно скоро им
Показался, как синий дым,
Иссык-Куль. Волна за волной
На песок шли береговой,
Разбивались, лишь брызги вверх,
И сверкала пена, как снег.
Ехал берегом Табылды,
Слушал песнь голубой воды,
И, взволнованный, говорил:
„Иссык-Куль, ты меня пленил,
Мой народ на твоих берегах,
Как хозяин, зажить бы мог,
Он бы слышал твой каждый вздох,
Он бы видел, как на волнах
Стаи плавают лебедей,
Стаи серых жирных гусей
Утомленно в куге сидят,
На наречьи птичьим галдят.
Иссык-Куль, ты сведёшь с ума,
Пеньем волн и полётом брызг,
И Джеты-Огуз и Тасма
Должен скоро занять киргиз.
Разве пастбище Каркыра
Я калмыкам оставить могу?
Сколько разного тут добра—
И представить я не могу!
И фазаны живут в кустах,
И улары кричат в горах,
И архары бегут в горах,
И элики в сплошных лесах.

Ах, киргизам надо бы жить
На твоих, Иссык-Куль, берегах!
Так, любясь лазурью воды,
Ехал берегом Табылды,
Ехал, думу думал, мечтал.
Но мечтанье его прервал
Задержавшийся абаке;
Наклонясь слегка к луке,
Он подъехал, сказал: „Вот тут
Племена калмыков живут.“

Табылды отправил Кудайназара к Чал-Калмаку, а сам с двумя дружинами укрылся в прибрежных лесах.

„Через пять дней ждите! — прокричал Кудайназар, удаляясь с пятью всадниками в сторону аила калмыцкого хана.

Табылды поехал на разведку, ему очень хотелось узнать, где пасутся многочисленные табуны Чал-Калмака.

Тем временем, сопровождаемый пятью всадниками, Кудайназар со своей куцей и бесцветной бородёнкой и красными, как у грифа, глазами, неспеша ехал по дороге и ему в голову лезли разные мысли — одна хуже другой.

Но вот он увидел пятнадцать всадников, ехавших навстречу. Калмыцкий дозор окружил посланных. Связав шестерым всадникам руки, калмыки повезли их к своему свирепому батыру.

Увидев Кудайназара, Чал-Калмак разозлился.

„Ах, Кудайназар, это ты
На кобыле Куу-Байтал?
Ты зачем ко мне прилетел?
Как же, помню, как ты хотел,
Чтоб народ мой счастливый страдал.
Это ты мне с сынком прислал
С Олджобаем чистую ложь.
Ничего, племянник хорош,
Ты заманчиво мне писал:
„Табылды больной, приезжай,
Чтоб разграбить его аил.“

И твоё мне письмо вручил
Сын твой, выродок Олджобай,
Чтоб меж нами разжечь вражду,
Чтоб в айлы привлечь нужду.
Я опорой тебе служил,
Когда выгнал тебя отец,
Расчитаюсь с тобой, подлец,
Ты заплатишь мне кровью жил.
Я тебе ли не доверял?
Из-за тебя я свой клад —
Мой народ в боях растерял.
Увлечённый ложью, я — Чал
Смелых, сильных в сраженье брал,
Из-за тебя айлы свои
Непростительно разорял.
Табылды племена мои
Беспощадно уничтожал.
Ну, приславший известие ты,
Ну, насытился мезтью ты,
Натворив окаянных дел?
Вот чего ты, подлец, хотел.
Не забыл я коварную ложь,
Убаюкавшую мой слух.
От меня чего теперь ждёшь,
Придорожный цепкий лопух?
Самодовольный ты вор,
Сочинитель ты небылиц,
Ну, какой ты расскажешь вздор,
Ну, затеешь какой разговор?
„Я — посол; понимаешь, сват.
Табылды — богатырь, мой брат,
Просит в жёны себе Торкобек
Помириться хочет с тобой.
Не отдашь — значит, снова бой,
Согласись — и дружба навек.
За калымом не постоим,
На любой согласны калым.“
И сказал Чал-Калмак ему:
„Врёшь ты, куцая борода,
Ты в разведку приехал сюда.
Камень сдвинут и ход открыт.
Табылды где-то с войском стоит.

Ты, паршивец, лукавый раб,
Что же думаешь я ослаб?
Ты мне скажешь, буду пытаться,
Ты в капкане — несдобровать.“

Чал-Калмак бросил Кудайназара в ров и заставил батыра Когоя перебить ему щиколотки. А сам поехал на разведку.

Много дней прошло. Кудайназар всё не возвращался. Обеспокоенный Табылды собрал джигитов и обратился к ним за советом: как дальше быть — ехать ли к Чалу в аил и выручать Кудайназара, или ещё что-то предпринять.

Все молчали. Тогда Табылды сказал:

„Слушай, слушай, хан Алтыбай,
Слушайте, Эльдияр и Эрмек,
Слушай, дружина, запоминай,
Слушай каждый наш человек!
Я просил совета у вас,
Не слышал ответа от вас.
Что же, видно, так тому быть;
Вам, соратникам и друзьям,
Я хочу свои мысли открыть,
Поговорить по душам.
Хороша Чал-Калмака дочь.
В жёны взять её я не прочь,
Но не ради этого я
Посадил вас в сёдла, друзья;
Уж не так я к Торко стремлюсь,
К лунной красавице я не рвусь,
Из-за девушки не побледнел,
Как видите, не похудел.
Потому хотел зятем стать,
Чтобы больше не враждовать,
Чтоб враждующих навсегда
Узами родственными связать,
Чтобы больше не воевать,
Кровью в битвах не истекать,
Стад пасущихся не угонять,
На аилы не нападать,
Тёплых мирных юрт не ломать.“

Я хотел, чтоб это родство
Уничтожило распри зло
И содружества торжество
До потомков наших дошло,
Чтоб друг в друга им не стрелять,
Поколения не истреблять.

Я хотел, чтобы мир царил,
Веселился б каждый аил,
Чтоб киргиз с калмыком дружил,
Чтоб калмык с киргизом дружил,
Чтоб народом одним были мы,
Пастбища б не делили мы.
Ездили бы в гости мы к ним,
Ездили бы калмыки к нам,
Брали б наших девиц за калым,
Отдавали б своих за калым
Молодым киргизским парням.
Потому и свата послал,
Потому и брата послал —
Объединиться с Чалом хотел
Для счастливых и мирных дел.

Отказался, наверно, Чал.
Уезжая сватом, мой брат,
Как вы помните, обещал
Возвратиться вскоре назад,
Возвратиться на пятый день.
Абаке не приехал в срок,
Вот и месяц уже истёк,
А Кудайназара и тень
Не коснулася ещё нас,
Мы не слышим свата рассказ...
Где же ты, брат мой Кудайназар,
Иль поругана твоя честь,
И зиндана чёрный кошмар
Уготован тебе, как месть?
Что же... видимо, не привык
К переговорам калмык,
Не желает дружеских встреч,
Все надежды его на меч.
Волк матёрый хитёр, хитёр...

Всё же вынудим разговор,
Сделаем так, чтоб он нас искал,
Встретим, спросим: „Где аксакал?“
С Чалом свидеться мы должны.
Мы угоним его табуны,
Мы угоним коней в Барскон,
Мы угоним коней в Тамгу,
Чал отправится нам вдогон...
Возле озера, на берегу,
Бог свидетель, поговорим.
Если душу мою поймёт,
Сына верного обретёт,
Добрый сговор вознаградим,
Табуны ему возвратим,
Мы отцом его назовём
И поедем к нему в аил,
И Торко женой наречём...
Весь народ бы его хвалил!
Если вздумает биться он,
Нанесу смертельный урон,
Мы тогда ворвёмся в аил,
Опрокинув копий заслон,
Мы влетим с четырёх сторон,
Превратим Чал-Калмака в труп
И красавицу с лунным лицом
Бросим на лошадиный круп,
Дочь батыра к себе увезём.
Так садитесь в сёдла, друзья,
Мастера копья и ружья,
Так скачите смелей за мной,
Киргизские сыновья!
Заповедные есть леса,
Где укрыл сокровища плут,
Там — не кони, а чудеса,
Там — тулпары в загонах ржут.“
И батыр коня повернул,
На дружины свои взглянул,
Одобренья пронёсся гул,
Землетрясеньем разнёсся гул.
Все вскочили в сёдла легко,
Знамя подняли высоко,
Гордо вскинули бунчуки,

И поехали смельчаки
По увалам и по холмам,
По ущельям и по полям,
Подымая дремлющих птиц,
Загоняя в норы лисиц.
Мало времени до темна,
Табылды торопил скакуна,
Восемьдесят пять человек
Конных двигались, как стена.
Закачалась в небе луна,
Ночи чёрная пелена
Опускалась с горных вершин
На зелёный простор долин;
Вместе с ночью, сверкая вдали,
Тучи медленные ползли.
Ветерок слегка потянул —
Мелкий дождик заморосил;
Сильный ветер, гудя, подул —
Крупный ливень струи скосил;
Ветер вихрем — грома раскат,
Беспощадно ударил град;
Белое облако пронесло —
Поле инеем поросло.

И смешались земля и высь,
Гром кидало и вкось и вниз,
Сквозь преграду грозы рвались
За киргизом киргиз;
Сквозь крошечную бездну воды
Вёл дружинников Табылды.
Ветер дикие тучи мчал,
Ливень рушился, град стучал,
Табылды дорогу во тьме
Взглядом сверкающим освещал.
У его джигитов в глазах
Тоже вспыхивали огни,
Как леопарды в ночных лесах,
Передвигались они.
И пробившись вдруг сквозь грозу,
Увидали они луну,
В звёздах блещущих вышину,
Леса чёрную полосу,

Юрты, точку света в одной...
Табылды приказал: „За мной!“
Быстро спешились. Тишина.
Юрта киргизами окружена.
Табылды прямо к двери шагнул,
Осторожно к стене прильнул,
Саблю вынул, друзьям шепнул:
„Эльдияр, мой друг, посмотри.
Дорогой Эрмек, посмотри,
Что там делается внутри!

Посмотрели киргизы в щель:
О, табунщики собрались!
Видно, отдыхом увлеклись,
В головах у калмыков хмель;
На языке своём говорят,
Непонятно о чём говорят
Развесёлых тридцать мужчин.
На комузе играет один,
Упоённо пляшет другой,
Бьёт о землю правой ногой,
Бьёт о землю левой ногой,
Остальные сидят, галдят.
В плошке плавает фитилёк,
Чуть колеблется огонёк,
Подымается вверх дымок.
А калмыкам и невдомёк,
Что киргизы на них глядят,
В щель, пробитую саблей, глядят,
Тоже всею душой хотят,
Под комуз поплясать хотят.

Сердце трогает рокот струн,
Сапогами стучит плясун,
Невысок паренёк, кургуз,
Улыбается, зубы — рис.
Ах, как громко звучит комуз,
Ах, как вкусно шипит кумыс,
Белопенный кумыс в саба.
В очаге стреляют дрова,
В очаге на тихом костре
Бурно варится мясо в ведре,

Подымается сладкий парок.
А плясун — и этак, и так,
От усердия даже взмок,
Шею вытянул, как гусак.
Губы выпятил, как лошак,
Вьётся пыль, летит из-под ног.
Ах, плясун, — захватило дух!
Разом смолк весёлый галдёж,
У калмыков в глазах испуг,
Побежала по жилам дрожь,
Видят: семь человек вошло,
От сверканья сабель светло.
И табунщики, окаменев,
И ни слова не говоря,
В первом признали богатыря,
И подумали: „Это лев!
Смертный час теперь недалёк.“
Табылды поплевал на ладонь;
Как небесный сверкнул огонь,
Кверху вскинутый им клинок.
„Вы не бойтесь, руки назад!
Отдохнуть не мешает вам.“

Выносили их всех подряд,
По рукам связав, по ногам.
Выносили их из дверей
Юрты в лунную полутьму,
На крутые спины коней
Положили по одному,
Положили и повезли,
Пригрозили строго: „Молчать!“
Обещали не убивать.
Звёзды медленно потекли,
Зашатался небесный свод.
А джигиты — храбрый народ —
Ловко делали дело своё,
Оглашали криком леса.
Разбегалось в страхе зверьё,
Разлеталось вороньё,
Из загонов шли табуны,
Растянувшись на много вёрст,

Серебрили лучи луны
Многостысячных крупов ворс.
Землетрясения гул
От копыт летевших, как град.
Табуны шли за рядом ряд,
А с боков скакал караул.
Разной масти шли косяки,
Окунаясь в ложбинах в туман,
Гнали тихо их вдоль реки
Шумно мчащейся Джергалан.
Вороные, гнедые шли,
Светло-серые им подстать,
Тёмно-серые, как журавли,
Чёрно-пегих не сосчитать,
Светло-пегих не сосчитать,
А саврасых и рыжих тьма,
А каурым и нет числа.
Табылды-батыру хвала!

Рассвело, а лошади шли,
Длился день, а лошади шли,
Тяжело, а лошади шли,
Пала тень, а лошади шли.
Перевалили каменный кряж,
Миновали Керегеташ
И решили заночевать,
Возле леса огонь развести,
Табуны коней попасти
И с рассветом их дальше гнать.

Закололи двух стригунов,
Ели мясо до тяготы;
Тешил всех Эльдияр-острослов
Так, что хохот тряс животы.
Полыхал костёр и светил,
Пламя ползало у колен,
И джигиты, вспомнив аил,
Напевали про Джетыген.

Сон джигитов одолевал,
Мрак, как шерстью, их укрывал,
Воздух сух, прохладен и прян.
Лишь один человек не спал,

Табылды, батыр - великан,
До утра на страже стоял.

Но, как солнце коснулось земли,
Табуны в движение пришли,
В нужном направлении пошли,
Плавно, медленно потекли.
Табылды то вперёд скакал,
То нарочно приотставал,
Как заботливый конвоир.
И оглядывался батыр,
И прислушивался батыр:
Не видать ли погони где,
Не слышать ли погони где,
Не видать ли чужих секир,
Бунчуков на горной гряде,
Не возник ли где грозный Чал,
Страстно которого ожидал?
Он на взгорья, как на горбы,
Часто на скакуне въезжал,
На стременах привставал,
Через стёкла подзорной трубы
До-олго местность обозревал.

Целый день раздавался гик.
Как намечено было — в срок
На закате конский поток,
Наконец, Барскона достиг.
Здесь, в Барсконе, в Тамге — леса,
Высока трава и густа,
По утрам сверкает роса,
Для пастьбы хороши места.
Здесь высоко орлы висят,
Лебединые стаи летят.
Здесь дружинники за три дня
Затаврили всех жеребят,
Затаврили двухлеток всех,
Затаврили трехлётков всех.
Табылды был хмур и молчал,
Охватила сердце печаль:
„Неужели мёртв Абаке?
Я дождусь, ты ответишь, Чал!

Табылды, задумавшись, сидел у костра. К нему подошли сорок джигитов.

— Мы закончили таврить лошадей, — сказали они. Табылды взял из рук Эльдияра тавро, положил в костёр, и когда оно раскалилось до бела, он вынул его из пламени, затаврил громадный камень и подумал: „Приедет Чал-Калмак, скажу ему: „Я ждал вас, чтобы вам навсегда преградить путь и в знак этого затаврил камень!“

Размышляя так, Табылды размахнулся и рассек саблей этот камень, чтобы Чал-Калмак смог представить какова сила киргизского богатыря.

Табылды оставил при себе сорок джигитов во главе с Алтыбаем, остальных людей отрядил с Эльдияром переправлять табуны лошадей через хребет Барскон. Сорок джигитов расположились у подножья высокой горы, а Табылды поднялся на вершину. Осматривая с высоты птичьего полёта окрестность, он, чтобы как-то развлечься, запел песню:

„Сталь останется от кузнеца,
Мысль останется от мудреца,
Пусть останется навсегда —
Не забудется никогда
Имя громкое: Табылды.
Здесь вблизи озёрной воды,
В середине извечных гор
Мои знаки: тамга, тосор.
Здесь всегда их киргиз найдёт,
Радость в сердце его западёт.
Я сражался, — для храбрых пример, —
Спас от гибели свой народ.“

Только через три дня после угона коней долетела молва до Чал-Калмака: „В лесных загонах Конура не осталось ни одного табуна!“ Он сел на своего испытанного Карабоза и с тремя стами человек бросился в погоню. На берегу озера в Бир-Кулаконе он напал на след похитителей. Он спешил. На одной из высоких гор старый батыр заметил в подозрную трубу силуэт человека. Это

стоял Табылды. Киргизский батыр спустился к подножью горы, где у дороги беседовали джигиты, и обратились к Алтыбаю.

„Приготовься, хан Алтыбай.

Я в теснине меж гор видал:

Скачет к нам с калмыками Чал,

Ты навстречу ему ступай.

Оберни себе шею камчой,

Поклонись ему и скажи:

„Дядя Чал, я племянник твой,

Подожди, коня придержи,

Необходимо поговорить,

За угон твоих лошадей

Разреши тебе подарить

Скакуна арабских кровей.

Если примет он дар, тогда —

Жив отец твой, наш сват? — спроси,

Если дядя ответит: „да,“ —

Дочь намерен отдать? — спроси.

Коль Торко за меня отдаст,

Навсегда примирит это нас.

Табуны возвратим, — скажи,

Скот в придачу дадим, — скажи,

За Торко мы любой — скажи,

Дать готовы калым — скажи,

Враждовать не хотим, — скажи,

Воевать не хотим, — скажи,

Пусть ко мне приедет, — скажи,

Путь ко мне ему покажи.

Если станет коситься он,

Если не согласится он,

Если думает воевать,

Знаком ты извести меня.

Знак: поставь своего коня

Позади Карабоза, отстань.

Буду я за всем наблюдать.

Не дай бог, решит нападать, —

По калмыку начну стрелять,

Посылать свинцовую дань.

Думаю, что Чал — не дракон,

И от пули свалится он.“

Алтыбая в путь проводив,
Табылды улыбнулся: „Труслив!“
И повёл джигитов своих,
И оставил в засаде их,
Близ дороги, где камыши...
Сам в расселину поспешил.

Быстро мчится старый калмык,
Алтыбай к нему — напрямик.
Натянул поводья старик,
Перекошен ухмылкой лик.
Пасть раскрыл скакун Карабоз,
Набок вывалился язык.
Алтыбай устрашающ, дюж,
Но от сытости неуклюж,
По-медвежьи сошёл с коня,
Шею хан камчой обвязал.
„Ты послушай, дядя, меня, —
Умоляюще он сказал, —
Вот моё прошение — не тронь,
Вот моё подношение — конь,
Ты прими его, дядя, в дар,
Алато стоит тыщу стад.
Ты скажи, жив Кудайназар,
Мой отец, наш посланец, сват?
Понимаю, дядя ты, зол,
Гнев, молю тебя, укротить.
Я посол, — ты слышишь? Посол!
А посла нельзя умертвить.
Табылды тебя, дядя, ждёт,
Помириться, поладить ждёт,
Взять Торко хочет в жёны себе.
Согласись — и вернём табуны,
Тяжба кончится, быть гульбе,
Не пожалеет батыр казны.
К лошадям прекрасным твоим
Мы в придачу своих дадим.
Уступи нам, дядя, и мы
На любой согласны калым.“
Чал сидел в седле и сопел,
От таких слов рассвирепел,
И не выдержал, и прервал

Алтыбая, и закипел:
„Я тебе покажу, стервец,
Сдох во рву ваш сват, твой отец!
Ты, посредник, сватаешь дочь,
За тобою гора вины.
Я хотел сватовству помочь,
А жених и племянник в ночь
Увели мои табуны.
Нет, не только мою Торкобек —
И мизинца её не отдам;
Нет, киргиз — дрянной человек,
Разрублю его пополам.
Если будет он даже огнём,
Я водой Табылды залью,
Если каменным станет холмом,
Все равно, его разобью.
И тебе, Алтыбай, — конец,
Ты пойдёшь на тот свет, гонец!“
Шпоры Чал в Карабоза вонзил,
Прыгнул конь — и Чал в один миг
Алтыбая копьём пронзил.
Эхо множило страшный крик.
Алтыбай, качнувшись, упал.
Чал сопровождавшим сказал:
„Добивайте, дети, его! —
И стремительно поскакал.
Табылды, держа самопал,
Из расселины наблюдал,
Видел, как Алтыбай упал,
Как вперёд устремился Чал.
Табылды сам с собой рассуждал:
„Если б жив был Кудайназар,
Алтыбая б Чал не убил,
Он умерил бы ярости пыл!
Он бы взял племянника дар;
Если б дочь захотел отдать,
С гневом мог бы он совладать
И ко мне с Алтыбаем прибыть.
Значит, в нём заиграла месть,
Значит, схватимся нынче здесь.
Глупый Чал, ты не хочешь жить,
Ты ошибся, известно ль тебе?“

Кровный вред ты нанес родне.
Дам я в озере место тебе,
Успокоишься там — на дне.“

Табылды за Чалом следил.
Конь бежал, сминая ковыль.
Табылды ружьё зарядил,
Уголёк положил на фитиль
И решил: „Батыр разъярён.
Пусть поближе подъедет он,
Выстрелить надо наверняка.
У него защита крепка,
Под олпоком такая броня —
И вблизи её не пробьёшь.
Уложу, пожалуй, коня —
И тогда ты, Чал, не уйдёшь.“
Неутомимый Чал,
Неутолимый Чал,
Неустрашимый Чал,
Несокрушимый Чал
На удивительном жеребце
Ехал с усмешкою на лице,
Ехал быстро, зренье напруг,
Ехал, зная, — выстрелит враг,
Ехал — и выстрела ждал,
Ехал — а Табылды молчал,
Ехал — след коней примечал,
Ехал — а в сердце гнев крепчал,
Чал от гнева, как одичал,
Он найти табуны мечтал,
Карабоз его к смерти мчал.
Он, глаза широко раскрыв,
Всё вперёд, всё вперёд глядел,
Честолюбия гнял порыв
За неведомый им предел.
Он поднялся на косогор,
Тень гиганта падала вниз,
Даль пронизывал орлий взор,
Но вдали лишь птицы взвились...
Изваяньем всадник стоял,
Неподражаем и величав,
Гордый дух и жестокий нрав

Гнали дальше — на перевал...
Чал глубоко, тяжело дышал,
Понукая, поводя сжал,
Он глядел, как лишённый прав,
Обездоленный гуртоправ,
Гуртоправ один без скота.
Там, в загонах, в лесу — пустота!
Он неимоверно страдал,
Он почти беззвучно рыдал,
Тяжело обвисли усы
И дрожали складки у рта.
„Кони, кони — моя тягота,
Загнаны в какие места,
Где сбиваете пыль росы?
Я найду — будет честь чиста! —
И не выдержал старый Чал,
Седобородый, трясясь, вскричал:
— Где же тут Табылды, сирота,
Бурут, укравший моё добро?
Приложу к нему смерти тавро! —
И напротив расселины он
Остановился на миг,
И, прислушиваясь, притих,
Пику правой рукою сжал,
„Сыр-Баранг“ — ружьё за спиной,
Шлем на брови надвинут стальной
И болтается сбоку кинжал,
Сабля звякает от толчков,
Вязь арабских знаков на ней.
Молнии из-под бровей:
На переносице блеск очков
Из драгоценных камней.
Табылды только этого ждал,
От радости затрепетал, —
Давний враг супротив стоял,
Взгляд к нему обратив, стоял,
Вызывающе стоял на юру.
Наконец-то падёт исполин,
Угрожавший земле Нарын,
Затянувшуюся игру
Выиграл Эрманкана сын;
От нетерпенья трясёт озноб

Целился, не смея вздохнуть:
Вот Карабоза широкий лоб,
Вот двухаршинная грудь,
Вот боков крутые бугры...
Грянул выстрел, загрохотал,
Будто две столкнулись горы,
Карабоз подпрыгнул — и пал,
Придавил к земле седока;
Под конём, барахтался Чал;
Табылды ещё раз послал
Пулю — теперь в старика.

Увидав, как рухнул батыр,
К бою не изготовив секир,
Сзади следовавший отряд
Оцепенел... И вдруг назад
Повернули калмыки коней,
Закричали: „Убит! Убит!“
В это время из камышей
За джигитом спешил джигит.
Частые выстрелы раздались;
С сёдел двое калмыков — вниз,
С сёдел трое калмыков — вниз.
С сёдел десять калмыков — вниз,
Смертью пробитые, сорвались.
Сорок джигитов крепко дрались!

Между тем из-под лошади Чал
На ружьё опираясь, встал,
К валуну высотой с быка,
Озираясь, спешил, бежал,
Тяжесть вооруженья его
Замедляла движение его,
Спрятался — и дух перевёл,
И проговорил: „Ничего,
Я заметил засаду его:
За кустами в распадке дыру.
Вот он сел на Арча-Тору,
Я убью и коня, и его.“
Всадник мчался во весь опор,

Не боясь ничего, никого.
Чал дрожащей рукой в упор
„Сыр-Баранг“ наводил на него.
„Ах, проклятый, неуловим
На скаку никак...“ Выстрел. Дым
Заклубился пороховой.
О, поторопился седой!
Как заколдованный Табылды,
Пуля свистнула над головой.
И пока он вновь зарядил,
И пока ружьё наводил,
И пока фитиль запалил,
Табылды его упредил,
Табылды к нему подскакал,
За полу одежды схватил,
От земли врага оторвал
За собой врага потащил,
На скаку врага поднимал,
О бугры и о камни бил.
Чал сознание потерял.
Табылды с коня соскочил,
Выхватил из ножон кинжал
И калмыку в сердце вогнал.

„Эй, джигиты, — батыр вскричал, —
Посмотрите на гордеца!“
Обступили все мертвеца,
Эльдияр головой покачал.
Словно холм, бездыханный Чал
У дороги в доспехах лежал,
Неузнаваем, в крови, в пыли,
Кровь смешалась с пылью земли.

Табылды-удальцу хвала!
Табылды-храбрецу хвала!

Табылды и его друзья, похоронив убитого Чал-Калмаком Алтыбая на берегу Иссык-Куля, отправились в Кенсу захватить богатый аил Чал-Калмака, но путь им преградили калмыки во главе с батыром Когоем, двоюродным братом покойного. Когой был убит Эр Табылды, а отряд его обра-

тился вспять. Киргизы видели, как многие калмыки с семьями бежали за перевал, угоняя скот.

Табылды ворвался в аил Чала. Навстречу ему выехала дочь батыра Торкобек и просила пощадить аил и его жителей.

Табылды пощадил. Он предложил Торкобек переехать в его аил и забрать с собой всех калмыков.

Кудайназара и пятерых джигитов обнаружили во рву убитыми. Их перевезли в Нарын и похоронили.

Торкобек выдали замуж за Эльдияра. Табылды собрал всех киргизов и присоединившихся к ним калмыков и устроил большой пир. Он сказал на пиру: „Это поминки по Кудайназару и Алтыбаю и свадебный пир Торкобек и Эльдияра.

Многотысячные табуны лошадей и стада скота он роздал вдовам и сиротам погибших от рук врагов.

Многочисленный киргизский народ Катаган заселил местность от Кызыл-Кия и Санташа до Кайташа, где так густа трава типчак, и благополучно зажил.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Аба — дядя, старший брат, почтительная приставка к именам стариков.

Абаке — ласковая форма обращения к старшим.

Ага — старший брат.

Аке — вежливое обращение к старшим мужчинам.

Аксай, Арпа — высокогорные пастбища.

Аксакал — старик, старейшина; почтительное обращение к старшим мужчинам.

Алай — высокогорный район на юге Киргизии, пастбище.

Аламан — общее сражение, набег.

Ала-Тоо — народное киргизское название хребтов Тянь-Шаня.

Алмамбет — герой киргизского эпоса „Манас“.

Альчик — косточка, применяемая в игре в бабки.

Аманат — залог.

Андижан — узбекский город.

Арча — горный можжевельник.

Астрагал — растение.

Атбаши — местность в Киргизии.

Аш — поминки по умершему.

Аяш — обращение к жене друга.

Баабедин — пророк, которому приносится жертва после победы над войском врага.

Байбиче — старшая жена, хозяйка; почтительное обращение к женщинам.

Байга — скачки, состязание на конях на приз.

Бурут — так называли киргизов калмыки.

Девятка — девять голов скота; девятку был обязан отдать получивший радостную весть сообщившему эту весть.

Джайлоо — летнее пастбище.

Джал — жир из-под конской гривы.

Джамба — слиток из золота или серебра различной формы и различного веса, являющийся мишенью для стрелков.

Джетыген — созвездие Большой медведицы.

Жобу — боевой клич калмыков.

Зиндан — глубокая яма; подземная тюрьма.

Ини — младший брат.

Кабылан — барс.

Кадек — белая китайская ткань.

Каип — мифический покровитель крупных жвачных животных.

Кайберен — мифическое существо, владыка, покровитель диких животных.

Калым — выкуп за невесту.

Камча — плеть.

Кантемирогун — название лекарства, буквально — целебный камень.

Кара-Тепши — горный перевал.

Кара-Тоо — название гор.

Карын — высушенный желудок домашнего животного в котором хранят топленое масло.

Кашгар — город в Китае.

Кементай — войлочная бурка, преимущественно одежда пастухов; власяница.

Кисе — мешочек для пороха.

Козлодранье — национальная киргизская игра, заключающаяся в том, что несколько всадников тушу зарезанного козла вырывают друг у друга, и каждый из них стремится её доставить в назначенное место.

Кок-Булак — горная река.

Комуз — трехструнный щипковый музыкальный инструмент.

Коокер — кожаный сосуд.

Короо — загон, изгородь которого из камней.

Кулан — дикая лошадь.

Журут — сушёное кислое молоко.
Кыз — девушка.
Лев — постоянный эпитет богатыря (в эпосе).
Мазар — гробница, священное место; место поклонения.
Манас — герой одноименного эпоса.
Монуя — название лекарства.
Нар — одногорбый верблюд.
Нарын — река в Киргизии; местность.
Олпок — одежда из плотного шёлка, заменяющая жолъчугу.
Саамай — косички, которые заплетаются на висках.
Саба — чан, сделанный из верблюжьей или из конской шкуры.
Сары-Бель — название одного из перевалов Киргизии.
Сон-Куль — озеро в Киргизии.
Сусамыр — высокогорная долина.
Суюнчи — радостная весть.
Сынчи — предсказатель, ясновидец.
Талас — река в Киргизии.
Тамга — клеймо; местность.
Таш-Тюбе — название ложбины.
Тебетей — меховая шапка.
Тер — почётное место в юрте
Типчак — трава.
Токол — младшая жена.
Тосор — знак силы (буквально — преграждающий путь).
Тулпар — мифический крылатый конь; эпитет боевого коня, скакуна.
Турфан — город в Китае.
Улар — горная индейка.
Ходжо — паломники, побывавшие в Мекке
Чалап — кислое молоко с водой.
Чылбыр — повод из конского волоса.
Чапан — халат.
Чатыраш — шахматы.
Чокмор — булава, дубинка.
Шумкар-Таш — горный перевал.
Элчек — головной убор замужней женщины.
Элик — козуля.
Эр — муж, мужчина; герой, богатырь.
Эшен — духовный наставник у мусульман.